

СЕЛЬСКИЙ ПРАЗДНИКЪ.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ КАДНИКОВСКАГО УѢЗДА.)

СТАТЬЯ ВТОРАЯ (*).

I.

Случается въ извѣстной мѣстности общественное бѣдствіе, напр. морь скота или большая смертность людей, мужики не прибѣгаютъ къ обыкновеннымъ врачевнымъ пособіямъ, что почти невозможно, при трудности даже подступиться къ какому нибудь безграмотному ветеринару, — не прибѣгаютъ и къ тѣмъ, довольно обычнымъ суслѣбнымъ дѣйствіямъ, къ которымъ простой народъ любитъ прибѣгать въ другихъ мѣстахъ, т. е. не ѣздятъ напр. на бабахъ опахивать деревню сохой, чтобы не могла войти коровья смерть, не бьютъ прохожихъ старухъ, считая старую каргу за холеру или кикпмору, разнощицу холеры; а дѣло принимаетъ такой оборотъ:

Взвоятъ мужички «кубенскимъ волкомъ», т. е. погорюютъ, поплачутъ, подумаютъ со своими «старухами», т. е. женами, и «ребятами», которые имѣютъ уже по сороку и больше лѣтъ, и соберутъ сходку изъ одной или двухъ деревень.

Въ одинъ изъ этихъ лѣтнихъ вечеровъ *большаки* — хозяева домовъ понемногу выходятъ на улицу, за ними плетутся бабы, старухи, ре-

(*) Статья первая помѣщена въ X № «Современника» 1864.

к III 1318990

бятишки, выходятъ молодые жители деревни. Все это заботливое, усталое и теперь страдающее человѣчество двигается мрачно, угрюмо, но не забито, не безпомощно.

Въ каждой деревнѣ непременно есть какая нибудь завалипка, старое гнѣющее бревно, куча жолобовъ или какой нибудь холмикъ—любимое мѣсто общихъ бесѣдъ, куда въ свободное время, въ праздникъ, послѣ работы вечеромъ и любятъ собираться старые и молодые жители деревни потолковать, побалагурить, даже просто полежать, поглазѣть на небо, на знакомую улицу, на покрывшишесся крыльцо, въ ожиданіи чьего нибудь прихода; — это своего рода клубъ. Сюда-то собираются все почтенныя и разумныя головы деревни — лысыя и не лысыя, разнаго рода бороды клиномъ и лопатой, садятся, ложатся и становятся въ кружокъ. На заднемъ планѣ становятся бабы, печально подперши подбородокъ рукою и тяжело вздыхая, — глухие ребятишки, удивляющіеся необыкновенному лвлепію въ ихъ муравейникъ и потому стоящіе смирно.

Настаетъ глубокое молчаніе; не слышно ни остроты, безъ которой крестьянши, кажется, не можетъ обойтись ни минуты, ни брани ребятишекъ, ни одного слова, даже бабы сдерживаютъ свои глубокіе вздохи, только кой-гдѣ видно движеніе руки, по обычаю почесывающей затылокъ. Все стоитъ, сидитъ и лежитъ задумчиво, грустно, думаетъ думу глубокую, думу тяжелую.

— Ну, ребя, начинаегъ самая поштенная голова:—повѣшнее лѣто намъ приходится больно туго.

— Да, дядя, туго,—задумчиво отвѣчаетъ гурьба.

— Что же, братцы вы мои, таперича вы думаете?

На этотъ вопросъ никто не отвѣчаетъ.

— Для примѣра, продолжаетъ поштенная голова: — погѣ у насъ скотъ валится, какъ муха на сметанѣ съ мухоморомъ.

— Вѣстимо, какъ муха на сметанѣ.

— Выпадегъ, стало быть, корова, выпадегъ, для примѣра, несъ нашъ конь,—дѣло наше, какъ есть ни къ ляду не будегъ годигься.

— Досконально, дядя, ни къ ляду. Гурьба повторила собственное выраженіе оратора.

— Такъ что же намъ таерича поробить?

Гурьба опять молчитъ не потому, что не знаетъ, что мужикамъ поробить въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, а потому, что желаетъ выслушать умную рѣчь.

— Примѣрно, братево ты мой, я мекаю, надо поднять Хромѣ и Лавра...

Долго гуторили; наконецъ порѣшили.

— Хлора и Лавра; оно же и близко, стало, сподручно, — кричитъ большинство.

— Ну, Хлора такъ и Хлора съ Лавромъ... Мы не прочь и отъ Хлора, соглашаются остальные.

— Стало порѣшили съ Хлоромъ; таперича чтобы Хлоровъ день всегда былъ у насъ праздникъ и дѣтямъ закажемъ, да чтобы и они заказали это своимъ дѣтямъ...

— Безпремѣнно...

— Ну такъ таперича для примѣра, пиво, выходитъ, станемъ варить, причетъ созовемъ, православныхъ христіанъ малу-толику угостимъ... Снимайте шапки да помолитесь Николаѣ—и дѣлу конецъ...

Всѣ сняли шапки, обратились въ ту сторону, гдѣ стоитъ церковь, и положили по три поклопа. Дѣло совсѣмъ рѣшено; праздникъ установленъ. Еще покалякавши кой о чемъ, всѣ разошлись.

Вотъ начало новыхъ праздниковъ въ самое время невзгодъ. Много этихъ праздниковъ учреждено было на моихъ глазахъ. Вновь учреждаемые праздники не имѣютъ того полнаго характера старыхъ сельскихъ праздниковъ, начало которыхъ теряется въ глубокой древности, и потому они бываютъ не такъ торжественны, какъ послѣдніе: они устроятся наскоро, устроятся, когда еще бѣда виситъ надъ головою...

Для примѣра беремъ старый праздникъ, потерявшій свое начало. Это одинъ праздникъ въ селѣ Никольскомъ. О началѣ этого праздника забыли не только нынѣшніе люди, но даже покойные — Стрекула и Шарапѣнокъ, такіе люди, которые если бы жили одинъ послѣ другаго, то изъ жизни ихъ составилось бы около двухъ сотъ лѣтъ, — и тѣ не знали, когда и почему начали праздновать этотъ день. Вотъ старый дьячокъ, — такъ тотъ знаетъ, по какому случаю установишь этотъ праздникъ у Никольскихъ церковниковъ.

Тамъ среди поля стоитъ высокая и красивая гора, и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поросшая высочайшими елями и развѣсистыми боровыми соснами, по къ сожалѣнію варварски уродуемая топоромъ лѣнтяевъ, которымъ лѣнь спуститься шеговъ десять далеѣ, чтобы тамъ парубить дровъ. Какой великолѣпный видъ съ этой горы на волнующіяся нивой поля, на окружныя деревни и цѣлые приходы, на дикость лѣсовъ и безплодіе болотъ, расположившихся у ея подножія!.. На склонахъ этой горы стоятъ дома церковниковъ... Въ прежнія времена гора была густо покрыта столѣтними елями и соснами.. Волки ли завелись на горѣ, или такъ не понравился жителямъ склона этой горы чудный лѣсъ, краса окрестностей, поднявшій свои верхи на десятки сажень надъ окружающими долинами и невысокими холмами, — только вышло то, что его вырубилн. Черезъ зиму и лѣто въ

августъ мѣсяцъ издумали поджечь пересохшій лѣсъ. Пустили огонь. Подулъ вѣтеръ. Красное пламя мгновенно обхватило всю гору; сотнями кровавыхъ языковъ взвилось подъ самыя облака; запылалъ страшный пожаръ. Большая опасность предстояла домамъ... Умные жители нагорья струсили не на шутку, взвыли бабы и всѣ дали обѣтъ, что если пронесется бѣда мимо, — они будутъ всегда праздновать этотъ день. Бѣда миновалась. На пожарищѣ посѣяли рожь. Рожь выросла великолѣпная. Ее сжали, вымолотили, вымочили, выпарили, высушили, намолоти солоду и наварили несмѣтное количество пива... Весь приходъ пилъ пиво полторы недѣли...

II.

Сельскій праздникъ, какъ большое торжество, требуетъ не мало приготовленій, которыя начинаются за нѣсколько дней до праздника.

Прежде всего передъ праздникомъ становится замѣтнымъ уменьшеніе перевозки льна, рѣже и рѣже виднѣются высокіе, медленнодвигающіеся, зеленые возы. Обыкновенно съ начала августа тысячи возовъ льну вывозятся изъ лѣсовъ въ ближайшія деревни. Ленъ составляетъ главную статью промышленности описываемой мѣстности. Такъ какъ ленъ чрезвычайно пстощаетъ почву и безъ того чрезвычайно тощую, песчаную, каменистую, и потребовалъ бы подъ себя много пахатной земли, то онъ на поляхъ почти совершенно не сѣется. Его сѣютъ на такъ называемыхъ *новинахъ* или *подсѣкахъ*, въ лѣсу. Для этого обыкновенно вырубается въ извѣстномъ мѣстѣ лѣсъ, просушивается и сожигается. На выжженномъ мѣстѣ сѣется ленъ и боронится особенными боровами, сдѣланными изъ расколотої вѣтвистой ели; нѣсколько словыхъ досокъ съ сучьями сколачивается вмѣстѣ; сучья замѣняютъ зубья обыкновенной бороны. Ленъ на подсѣкахъ растетъ прекрасный. Довольно большой участокъ лѣса для вырубки и посѣва льна можно пріобрѣсть за безцѣнокъ, разумѣется не въ казенныхъ, гдѣ это воспрещено, а въ помѣщичьихъ лѣсахъ. На одномъ участкѣ ленъ сѣется не больше двухъ разъ и участокъ снова остается пустыремъ лѣтъ на десять или пятнадцать, пока не выростетъ на немъ новый лѣсъ...

Вмѣстѣ съ прекращеніемъ усиленной работы начинается первое и самое главное изъ приготовленій къ празднику — варка пива. Пива готовится немовѣрное количество. Болѣе состоятельные люди варятъ пиво *на чанѣ*, менѣе состоятельные варятъ его *въ корчагахъ*. Варенье пива на чапѣ, по огромности обстановки и количеству пива, производится въ открытомъ полѣ, на берегу рѣчки или у какого-ни-

будь полеваго колодца по той причинѣ, что въ избѣ невозможно помѣститься съ огромными снарядами и — чтобы избѣжать довольно утомительной возки и носки воды: деревни строятся на возвышенностяхъ, почему въ глубочайшихъ колодцахъ воды не всегда бываетъ достаточное количество, такъ что дѣйствительно случается, что передъ праздникомъ на пиво и на обыкновенное употребленіе изъ колодцевъ вычерпывается вся вода и нужно бываетъ ѣздить за нею далеко. На берегу избранной рѣчки или полеваго колодца на подмосткахъ въ полъаршина вышиною ставится огромный чанъ, вмѣщающій въ себя отъ сорока до шестидесяти и болѣе ведеръ; насыпается въ него опредѣленное количество солоду и вливается вода. По близости разводится костеръ, гдѣ накаливаются камни, которые спускаются въ чанъ до гѣхъ поръ, пока солодъ не сварится совершенно. Спустивши сусло въ корыто, разумѣется, не въ одинъ разъ, вливаютъ его въ котелъ, прибавляютъ въ него большую дозу хмѣлю и снова варятъ въ котлѣ, послѣ чего сусло съ хмѣлемъ, будущее пиво, увозится домой, гдѣ начинается броженіе. Въ то время, когда заваривается сусло, необходимо, чтобы не было тутъ никого изъ постороннихъ; потому что посторонніе могутъ взглянуть и сусло не потечетъ, а вълѣдствіе этого невозможно будетъ сварить и пива. За то, когда сусло сварится и потечетъ, тогда подчуютъ имъ всякаго, кто бы ни проходилъ мимо, будь онъ знакомый, незнакомый, прохожій или проѣзжій. Сусло не все употребляется на пиво; часть его оставляется для употребленія съ овсянымъ киселемъ въ постные дни, съ толокномъ, для ребятишекъ и для *кануновъ*, о которыхъ скажемъ ниже. Спустивши сусло разъ, на солодъ снова наливаютъ воды, снова варятъ и снова готовятъ сусло, которое выходитъ уже не такъ густо и сладко, какъ первое. Изъ этого втораго сусла готовится второй сортъ пива, называемаго *друганомъ*, *брюходуемъ* и *полосканцемъ*. Другавъ употребляется на пойло самымъ непочетнымъ посѣтителемъ и, если останется невыпитымъ людьми, — выпадается скоту, особенно если немножко закиснетъ. Варенье пива въ корчагахъ (большихъ горшкахъ), по меньшему объему снарядовъ и количества пива, производится въ избахъ, въ обыкновенныхъ печахъ.

Наваренное пиво, даже при довольно широкомъ деревенскомъ хозяйствѣ, невозможно помѣстить въ собственныхъ боченкахъ, потому что ихъ требуется слишкомъ много. Нужно бываетъ обращаться за боченками въ другія деревни. Пиво начинаетъ совсѣмъ дѣлаться пивомъ, броженіе кончается. Мужикъ запрягаетъ лошадь въ одноколку, садится на лошадь верхомъ, на одну сторону, какъ амазонка, ставитъ ноги на оглоблю и медленнымъ шагомъ отправляется въ сосѣдную деревню, напѣвая пѣсенку и съ наслажденіемъ покуривая махорку.

Подъѣхавши къ первому дому, амазонка съ включенной бородой, не слѣзая съ лошади, останавливается у окна и во всю глотку оретъ:

— Домпа, дай, голубушка, пивнаго боченка.

— Только что, родимый, Оська увезъ, — кричитъ изъ избы баба.

— Къ пиву, Домна, приходи же, мотри... ну, чортова кукла, ну, кормилица, закатывай...

Последнее воззваніе мужикъ относитъ къ своей кобылѣ, на которой сидитъ. Онъ ѣдетъ къ другому дому. Каждый хозяинъ, обладающій сосудами подобнаго рода, непременно даетъ ихъ просителю, если они не отданы кому нибудь прежде. Мужикъ въ это время приглашаетъ «къ пиву» всякаго встрѣчающагося.

Раздобывшись боченками, сливаютъ въ нихъ пиво, при чемъ его достаточно пробуютъ и поютъ пѣсни, чтобы напившіеся пива были веселы; ребятишки вокругъ боченковъ затѣваютъ даже пляску, чтобы праздничные гости были еще веселѣе.

Вторую, не менѣе видную статью приготовленій составляютъ походы за рыбой. Жигели села Никольскаго имѣютъ возможность употреблять свѣжую рыбу только весною, когда растаетъ снѣгъ и вода выступитъ изъ береговъ. Рѣки порядочной, гдѣ бы былъ уловъ рыбы, вблизи нѣтъ. Верстъ за двѣнадцать есть озеро, чрезвычайно обильное рыбою; но ловить ее лѣтомъ нѣтъ никакой возможности: озеро, находящееся среди топкаго, трясуцаго болота, неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ естественныхъ причинъ, все завалено разнаго рода хрящемъ; — на плитомъ днѣ его находится цѣлыя большія деревья съ сучьями, обломки деревьевъ и разная дрянь. Эта-то дрянь, зацѣпляя невода, рветъ ихъ такъ, что отъ невода приходится вытаскивать изъ озера одни только оборванныя, безобразныя лохмотья. Стало быть, необходимо было совершенно отложить всякое попеченіе пользоваться лѣтомъ сокровищами озера. За то весной, когда вода выступитъ изъ озера и залетъ пизкіе, зыбкіе, безлѣсные берега свои, — рыбу ловятъ на берегахъ. Почти все озеро огораживается особеннаго рода плетнемъ, называемаго *залъкомъ*. Въ этомъ плетнѣ, на нѣкоторыхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, дѣлаются проходы. Въ одни изъ нихъ ставятся верши, другіе, болѣе широкіе, остаются свободными. Въ свободные проходы рыба идетъ изъ озера къ берегамъ и, возвращаясь назадъ, въ озеро, часть ея идетъ въ проходы съ вершами и попадаетъ въ нихъ. Рыбы, и при такой методѣ ловли, крестьяне достаютъ очень много. Зимую исключительно употребляется соленая треска и замороженныя сельди, огромные транспорты которыхъ приходятъ изъ Архангельска, гдѣ рыба вымѣнивается на ленъ и хлѣбъ и, даже по привозѣ на мѣсто, продается по весьма умѣреннымъ цѣнамъ, доступнымъ каждому. Лѣтомъ же не рыба, а мелкая, тощая рыбка

составляетъ большую рѣдкость, чрезвычайно уважается и потому придаетъ много чести тому хозяину, который въ праздникъ, на парадный столъ, подастъ большой рыбникъ, пирогъ взъ пшеничнаго тѣста съ гомеопатической дозой ничтожной рыбки: пирогъ этотъ дѣлается такъ, чтобы только слава была, что рыбникъ, т. е. рыбы кладется только въ самую средину пирога, величиною съ добраго теленка, не болѣе полуфунта. Дорожа такимъ образомъ рыбой, крестьяне уже не дорожатъ трудомъ, чтобы достать ее. Собравшись человекъ пять-шесть, крестьяне ходятъ версть за десять на небольшую, малорыбную рѣку ловить рыбу *куринами*, чѣмъ-то въ родѣ бредня, на большихъ деревянныхъ крюкахъ. Имъ въ продолженіи двухъ сутокъ едва удается поймать по пяти-шести рыбокъ на человека, изъ которыхъ рѣдкая вѣситъ больше фунта...

III.

Наконецъ не менѣе важнымъ и виднымъ приготовленіемъ къ празднику, чѣмъ ловля рыбы, служатъ походы за малиной. О нихъ я сообщу болѣе подробности свѣдѣнія, такъ какъ они составляютъ не послѣднюю подробность въ здѣшнемъ деревенскомъ быту.

Малинникъ... Это слово выражаетъ много самаго смачнаго въ нашемъ никольскомъ лексиконѣ: заберется ли кто *въ куть*, привилегированное, насиженное мѣсто молодыхъ бабенокъ и дѣвущекъ, значитъ, попалъ въ теплое мѣсто, въ самый малинникъ; забьется ли кто въ кабакъ, кутитъ тамъ на всю ивановскую и спитъ подлѣ бочки, — значитъ, силитъ въ малинникъ; погоспитъ ли кто самымъ лучшимъ образомъ, гдѣ виномъ хоть пару поддавай, пивомъ окачивайся, а пшеничными пирогами запруду пруди, — непременно твердятъ недѣля три, что ему у Таракана была не гостьба, а какъ състь малинникъ...

Не знаю, откуда, отъ какого малинника попало это образное выраженіе смачнаго въ никольскій лексиконъ. По крайней мѣрѣ, наши никольскіе малинники, страшныя, дикія, лѣсныя трущобы, никакъ не могутъ служить образомъ блаженства...

Почти во всей кадниковской странѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ фруктовыхъ садовъ; тамъ не растетъ ни яблонь, ни вишня, ни груша, ни какое либо другое благородное фруктовое дерево; всѣ эти лакомства замѣняются клюквой, рябиной, брусникой и, въ особенності лѣсной, самородной малиной и смородиной; тамъ не только всѣ крестьяне, но даже бывалые изъ нихъ, никогда не видали и не имѣютъ понятія, напр., о грушѣ или вишнѣ, не знаютъ и не чувствуютъ въ нихъ никакой потребности. Единственный плодъ, который извѣстенъ тамъ

нѣкоторымъ по вкусу, другимъ только по виду и даже слуху, — это сладкія яблоки, по человѣчески, просто яблоки, называемые тамъ сладкими въ отличіе отъ земляныхъ яблоковъ, т. е. отъ картофеля. Этими яблоками пзобилуютъ берега кубенскаго озера, окруженные красивыми яблонными садами, гдѣ по выраженію изумленныхъ очевидцевъ такое пзобиліе этихъ плодовъ земныхъ, что «ребятишки таскаютъ ихъ, какъ рѣпу, безъ всякой бережн и бросаютъ ими другъ въ друга». Но что это за яблоки? величиною съ небольшую луковицу, въ неизобразимой степени горьки, кислы, тверды эти дары нашей суровой природы, дары, которые, при всѣхъ вышензложенныхъ достоинствахъ, не дешево достаются крестьянину, желающему полакомиться.

При такой скуности природы, очевидно, невозможно разведеніе фруктовыхъ садовъ, возможно только развестъ въ огородѣ нѣсколько кустовъ малины и смородины. Но кадниковскій крестьянинъ, труды котораго поглощены работами надъ воздѣльваньемъ хлѣба, льна и другими тяжелыми заработками, привыкъ считать это одной прихотью и потому не заботится и не имѣетъ времени заботиться о такихъ пустякахъ, какъ ягоды. По его философіи, если Богъ народитъ ягодъ, то бабы въ воскресенье или въ дождливые дни, когда нельзя работать, сходятъ въ лѣсъ, наберутъ ихъ и всѣ могутъ полакомиться, а нѣтъ, такъ и нѣтъ, — былъ бы хлѣбъ, да левъ, да больше рыжиковъ.

Не разводя и не имѣя возможности разводить около селеній фруктовыхъ садовъ, нашъ крестьянинъ и вообще не любитъ, чтобы около домовъ были какія бы то ни было деревья. Онъ и дома строитъ, считывая не на удобство, а на видъ. На высокихъ холмахъ, среди голыхъ широкихъ полей, открытые всѣмъ возможнымъ вѣтрамъ, вьюгамъ и непогодамъ, небеснымъ громамъ и молніямъ, стоятъ высокіе, большіе, неуклюжіе, сѣрые дома, покрытые толстыми жолобами, съ причудливыми украшеніями, плодами фантазіи доморощенныхъ мастеровъ, съ разными крыльцами, рундуками и взвѣздами. Объ этихъ домахъ не имѣютъ понятія въ средней и южной Руси, потому что домъ сѣвернаго крестьянина заключаетъ въ себѣ все, что нужно въ хозяйствѣ для людей и скота; обыкновенно дома строятся въ три этажа. Весь нижній этажъ занимаетъ дворъ для лошадей и хлѣвы для прочаго скота, исключая мѣста подъ избой, подполья, гдѣ иногда помѣщается рѣпа, картофель и пр., а иногда и тамъ стоятъ овцы. Во второмъ этажѣ одна или двѣ избы рядомъ, сѣни и сарай, гдѣ хранится кормъ для скота — сѣно и солома. На сараѣ же строится клѣть, комната, гдѣ хранится мука, соль, мясо и вообще все, что нужно для хозяйства продовольствія семейства, исключая зерноваго хлѣба, который хра-

нится въ амбарахъ, вдали отъ домовъ... Въ третьемъ этажѣ помѣщается одна горенка. Можно судить, какимъ всеокрушающимъ, негасимымъ бываетъ здѣсь пожаръ, какъ онъ лишаетъ крестьянина вдругъ всего... Сѣрый цвѣтъ царигъ въ деревняхъ. Кой-гдѣ только блеститъ на солнцѣ новая тесовая крыша, торчитъ вѣтряная мельница, распахнувши крылья... Если пойдетъ тамъ лѣсъ, то и плетъ онъ на необъятныя пространства; а поле потянется голое, скучное, однообразное, рѣдко-рѣдко лыстающее глазу мелкими группами тощей ольхи; да еще кой-гдѣ, на холмѣ, одиноко, забытой сиротой, стоитъ столѣтняя угрюмая рябина, размахисто раскинувъ по воздуху вѣтви съ крупными кистями красной рябины—кадниковскаго винограда. Любитъ кадниковскій, особенно никольскій крестьянинъ, которому въ этомъ отношеніи помогаетъ мѣстность, чтобы кругомъ него была свобода, ширь, просторъ; онъ строится такъ, чтобы изъ окна можно было окинуть взоромъ такое пространство, какое можетъ обхватить глазъ... И дѣйствительно, стоитъ только напр. въ селѣ Никольскомъ полойти къ окну и предъ вами раскинется размахистая, своеобразная, сѣверная картина: среди голыхъ полей сѣрѣютъ десятки деревень, бѣлѣютъ стѣны, зеленеютъ куполы, блестятъ кресты болѣе близкихъ церквей, красы и гордости здѣшнихъ жителей; далѣе, въ углубленіи сияетъ лѣсъ, блестящею, серебряною лентою сверкаетъ озеро, тамъ еще далѣе подъ горизонтомъ раскинулись какія-то желтыя полосы съ сѣрыми пятнами,—это толя съ деревнями;—вознеслись блестящія бѣлизною какія-то двѣ небольшія колонны,—это двѣ церкви, господствующія надъ мѣстностью; а тамъ еще дальше синее небо слилось съ сѣрой землей...

Если мы сказали о фруктахъ и ягодахъ, то сдѣлаемъ небольшія замѣтки и объ огородныхъ овощахъ. Сѣверные кадниковскіе огороды также не отличаются разнообразіемъ и обиліемъ овощей; тамъ видны только лукъ, рѣпка, немного картофелю, да много темнозеленой конопли, распространяющей свой удушливый запахъ. Все это сѣется и садится не какъ насущная потребность, а больше для роскоши, исключая конопли, изъ волокна которой дѣлаютъ веревки, а изъ сѣмянъ особаго рода кашицу; масло не готовится ни изъ конопляныхъ, ни изъ льняныхъ сѣмянъ: постное масло въ селѣ Никольскомъ и окрестностяхъ не употребляется въ пищу, единственная изъ кашъ (ужъ кажется то ли не русское блюдо), ячная, варится только въ скромные дни; гречневой каши не ѣдятъ, пшенная бываетъ только на постоялыхъ дворахъ для обозниковъ... Чеснокъ, иногда и морковь и, очень рѣдко, огурцы привозятся изъ Вологды. Да свѣжаго огурца порядочный коренной мужикъ и ѣсть не станетъ: «потому огурецъ клономъ смердитъ»; его ѣдятъ люди нѣсколько бывалые, —люди ду-

ховные, становой съ писаремъ, смотритель почтовой станціи, голова, цаловальникъ, иѣкоторые изъ крестьянъ, занимающіеся торговлею—викольская аристократія... Изъ капусты, которая иногда сажается, потому ли, что почва не удобна, или потому, что не знаютъ за ней ухода, выхолптъ чортъ знаетъ что такое, только викакъ не капустные кочни. По этому и классическіе щи не существуютъ; подъ именемъ щей слыветъ жидкая кашка изъ овсяной крупы... За то, вза-мѣнъ всѣхъ овощей, на поляхъ зеленѣетъ огромное количество рѣпы. Десятки воевъ привозятъ ее осенью. Изъ рѣпы дѣлается пареница; изъ сушеной пареницы похлебка въ родѣ компота, которую ѣдятъ цѣлые посты; жуютъ пареницу вмѣсто десерта. Рѣпу заготавливаютъ къ зимѣ въ простомъ видѣ и вообще пстреляютъ въ громадномъ количествѣ...

При такой скудости викольскаго стола малина, какъ лакомство, играетъ не маловажную роль, особенно въ празничное время. Изъ нея прежде всего готовится «для бабья ботанецъ». Это ничто иное, какъ сивуха, настоенная малиной, несколько не подслащенная, приготавливаемая исключительно для бабъ и называющаяся еще *слабенькимъ*, по благородному, дамскимъ. Изъ малины готовится сладкій пирогъ, малина подается въ молоко, изъ малины дѣлается *тяпушка*—малина въ водѣ съ прибавленіемъ толокна; но если тяпушку вмѣсто воды сдѣлать на суслѣ, то, по отзыву всѣхъ викольскихъ бабъ, языкъ проглотишь: «такой распрескусный кусъ».

IV.

Честь открытія малинника принадлежитъ лѣсникамъ, т. е. охотникамъ, которые бродятъ по лѣсамъ и знаютъ влоль и поперегъ ихъ завѣтные тайники. На этотъ разъ лѣсникомъ Журавлемъ была открыта ломь, а въ ломѣ богатѣйшій малинникъ, гдѣ-то въ пульченгскомъ бору, верстъ за двѣнадцать отъ послѣдняго человѣческаго жилья.

Эта ломь и ея малинникъ образовался самымъ обыкновеннымъ образомъ.

Гола за два до того времени, которое я описываю, кто-то около того мѣста, гдѣ былъ тогда малинникъ, ночевалъ въ лѣсу и, по обыкновенію и необходимости, развелъ огонь. Поутру отправляясь домой, онъ забылъ или не позаботился погасить огня. Огонь по мхамъ и сухимъ вѣтвямъ распространялся все дальше и дальше. Подулъ вѣтеръ.—вспыхнула пламя, по мшистымъ слямъ быстро взвилось къ верху, распространилось въ ширь и начался сильный лѣсной пожаръ.

Я издалека видѣлъ это перѣдкое въ тѣхъ мѣстахъ явленіе. Вдали, въ темной глубинѣ дремучаго лѣса бѣловатыми клубьями валилъ густой, тяжелый дымъ. Дымъ рѣдѣлъ, изъ бѣловатаго становился синимъ; на мгновеніе взлетала къ верху куча краснаго пламени и потомъ, вдругъ быстро двинувшись впередъ, валили повые клубы густаго, непроницаемаго, бѣлаго дыма. Десятки верстъ обхватилъ пожаръ, не стихая ни днемъ, ни ночью. Спяватый тонкій дымъ и запахъ гарн распространились на всю окрестность. Страшный лѣсной пожаръ въ тѣхъ мѣстахъ свирѣпствуетъ безпрепятственно, его никто не старается потушить, да и напрасна была бы попытка къ этому: никакая человѣческая сила не въ состояніи противостать этой страшной разрушительной силѣ природы, питаемой, съ каждымъ шагомъ впередъ, все болѣе и болѣе. По счастью пожаръ былъ далеко отъ жилищъ и кромѣ того отдѣлялся отъ нихъ широкимъ болотомъ; слѣдовательно деревни были въ безопасности.

Проливной дождь потушилъ пожаръ. Налетѣла буря, поломала обгорѣлыя деревья и на этомъ пожарищѣ и ломи на слѣдующій годъ выросъ великолѣпнѣйшій малинникъ.

О времени похода за малиной извѣщается вся окрестность. Журавль, по пріятельству, сообщилъ мнѣ, что въ слѣдующій день пойдутъ за малиной и что, если мнѣ угодно, приходилъ бы завтра поравьше.

На другой день всталъ я около двухъ часовъ ночи. Такъ какъ за малиной невозможно идти въ какомъ бы то ни было сѣльскомъ или городскомъ костюмѣ, то прежде всего, вмѣсто обыкновеннаго бѣлья, я надѣлъ толстое, отрепное; навернулъ на ноги толстыя онучи, натянулъ березовыя лапти и, какъ саиданіи, привязалъ ихъ къ ногамъ веревками, накинулъ старое оборванное лохмотье, надвинулъ на уши такую же старую шляпу, повѣсилъ на плечи пестерь; въ пестерь поставилъ буракъ, положилъ нѣсколько ломтей хлѣба, завязалъ въ тряпку соли съ чеснокомъ и всунулъ въ карманъ. Приготовленія мои кончились.

Выбравшись на улицу, я направилъ свои стопы къ Журавлю. Въ воздухѣ становилось свѣжо. Я ускорилъ шагъ. На небѣ загоралась бѣловатая заря...

У Журавля было много народа, когда я пришелъ къ нему. Не медля ни минуты, мы отправились въ путь. Пройдя поля, мы спустились въ болото, давно знакомое моимъ ногамъ. Версты три брели мы этою топучею грязью, то увязая въ нее по самый поясъ, то карабкаясь на шаткія кочки и вытягивая изъ грязи лапти съ своими ногами. Вотъ здѣсь-то почувствовалась вся благодѣтельная сила лаптей, овучъ и прочаго лохмотья: сапоги въ этомъ болотѣ необходимо было бы оста-

вить, а если вѣтъ, то непременно зачерпнуть въ нихъ грязи. Лапти же потеряться не могли, потому что крѣпко были привязаны къ ногамъ, а вода и грязь, чрезвычайно неприятныя въ сапогахъ, изъ лаптей вытскаютъ очень скоро.

Выпачканные до невыразимой степени, мы кой-какъ выкарабкались на сухое мѣсто, холмистое, поросшее березами, осинами, ольхою и прерываемое небольшими лугами. Каждый прежде всего позаботился набрать себѣ рыжиковъ и грибовъ; потомъ развели костеръ, согрѣлись, обсушились; на горячихъ угляхъ и золѣ напекли грибовъ и рыжиковъ и, развалившись и раскѣвшись на землѣ, позавтракали съ величайшимъ аппетитомъ.

Солнце взошло надъ лѣскомъ, позолотило зеленыя верхушки шумящихъ сосенъ, шелестящихъ березъ и осинъ. Тихій вѣтерокъ постепенно усиливался и перешелъ въ настоящій вѣтеръ. Поднялся настоящій лѣсной шумъ, деревья раскачались, заскрипѣли деревья скрипучія.

По случаю скрипа этихъ деревьевъ Журавль разсказалъ, что если куда нибудь заберется воръ и обворуетъ, то изъ оставшихся въ дому вещей нужно отыскать ту, которую воръ держалъ въ рукахъ; эту вещь нужно положить подъ скрипучее дерево и вора «будетъ ломкой ломать» въ то время, когда скрипитъ дерево, т. е. во время каждаго вѣтра.

— Не дѣлаютъ этого потому, хоть воръ и плутъ, а все-таки христіанская душа, — кто же захочетъ брать на свою душу грѣхъ — губить душу христіанскую, прибавилъ Журавль.

Скрипучее дерево — не особенное какое нибудь дерево, а простая ель или береза, треснувшая по срединѣ, отчего она, при каждомъ дуновеніи вѣтра, пищитъ самымъ увылымъ, неприятнымъ звукомъ.

Мимо насъ тянулись большія и маленькія группы мужчинъ и женщинъ въ самыхъ разнородныхъ лохмотьяхъ, мужчины въ лаптяхъ и зипунахъ съ неизмѣннымъ товарищемъ-топоромъ за поясомъ, женщины въ запачканныхъ шушанахъ и маредникахъ, съ повязанными на головѣ крашенинными лоскутьями, вмѣсто платковъ, съ высоко поднятыми грязными подолами. Лѣсъ оживился самымъ необыкновеннымъ образомъ. Свѣтлое утро и гудящій вѣтеръ разносили множество звонкихъ здоровыхъ звуковъ, вылетающихъ изъ здоровыхъ грудей; слышались отрывочныя слова мужиковъ, частое звенящее бабье лепетанье, слышалась пѣсня протяжная или быстрая, развеселая, которую отпиралъ весельчакъ парень и самъ же подплясывалъ такъ, что лохмотья тряслись, а пестерь прыгалъ на спинѣ.

Пошли дальше. Узенькая тропинка, переплетенная толстыми кореньями деревьевъ, становилась все уже и уже. Лѣсъ постепенно ста-

появился гуще, темнозеленая, обросшая сѣдымъ мохомъ, ели — крупнѣе и мрачнѣе. Рѣже стали встрѣчаться листовенныя деревья. Мы вступали въ самый дѣвственный, въ самый вологодскій лѣсъ. Это не веселый лѣсъ, раскинутый по холмамъ и сухимъ борамъ, состоящій изъ различныхъ деревьевъ. Лѣсная прохлада, полумракъ и сырость господствуютъ въ этомъ многолѣтнемъ лѣсу... Никакой рѣзкій звукъ, никакой трескъ не поражаетъ слуха, лишь несетъ одинъ глухой, убаюкивающий гулъ дикаго, какъ будто сонпаго великана, раскинувшись на цѣлыя сотни верстъ, почти не тронутаго человѣческою рукою, лишь изрѣдка въ этой глуши хлопнетъ крыльями глухарь, прокричитъ черный воронъ, съ просонковъ глухо фукнетъ филинъ, болѣзненно запищитъ заяцъ, попавшій въ петлю задними ногами и высоко вздернутый на воздухъ.

V.

Но это мрачное, глухое, повидимому мертвое чудовище не лишено оживленія. Тамъ множество дичи, множество разнаго рола пушныхъ звѣрей, медвѣдей и оленей. Все это могло бы составить большой капиталъ для здѣшняго люда. Но какъ-то очень лѣниво занимаюсь здѣсь этою, могущею быть не послѣднею, отраслью промышленности: на эти лѣса не больше двухъ-трехъ охотниковъ.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что крестьяне почти совершенно не ѣдятъ дичи, не ѣдятъ даже курицъ, ужь развѣ она «больно устарѣеть», такъ отрубятъ ей голову и оправятъ во щи: потому что жаль бросать. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ становой, но и тотъ, явившись на слѣдствіе, нападаетъ только на куръ и производитъ въ ихъ націи страшное опустошеніе, такъ что старухи, жалѣя своихъ бѣдныхъ дохлушекъ, попавшихъ на жаркое становому, только удивляются, «какъ это въ его поганое хайло можетъ влѣзть столько куръ — и какъ это онъ не лопнетъ, собачья душа». Разумѣется, старухи изъясняютъ свое удивленіе уже тогда, когда становой уѣдетъ. Крестьяне употребляютъ въ пищу изъ лѣсныхъ обитателей только зайца и оленя. Сбытъ дичи довольно труденъ. Быть можетъ, отчасти эти-то обстоятельства и отбиваютъ у крестьянъ охоту заниматься охотою.

Два, три *льсника*, т. е. охотника, стрѣляютъ дичь, ходятъ за зайцемъ, бѣлкой, куницей, зимой — за лисицей и, при всякомъ удобномъ случаѣ, во всякое время года, за медвѣдемъ.

Такъ какъ мой проводникъ и товарищъ Журавль отличный охотникъ, пожалуй, ужь «сорокъ медвѣдей подѣлать на рогатину», и такъ

какъ я зналъ, что онъ въ этихъ мѣстахъ занимается охотой, то и пожелалъ узнать на мѣстѣ объ его охотѣ.

Журавль обѣщавъ разсказать мнѣ кое-что. Пройдя немного впередъ, мы сошли съ тропинки и лѣсомъ огруппились въ сторону. За полверсты отъ тропинки была его западня для медвѣдя.

Устройство ея очень просто и ловля медвѣдя не представляетъ большихъ трудностей для охотника. Обыкновенно вырывается широкая, но мелкая яма. Въ ямѣ укрѣпляется устойчивый срубъ. Внутри ставится ящикъ съ какой нибудь падалюю, преимущественно съ телятиной, потому что люди телягины не ѣдятъ, а захворавшихъ телятъ «дорѣзываютъ», замораживаютъ со всѣмъ и со шкурой и потомъ продаютъ телятникамъ на клей. Ящикъ остается открытымъ; — сверху его ставится настороженная, большал, зубчатая, тяжолал, съ крѣпкими пружинами медвѣжья клель, т. е. капканъ. Все это прикрывается сверху толстыми кряжами сосновыми или еловыми, крѣпко сплоченными между собою. Остается только одно небольшое круглое отверстие на срединѣ падъ самую телятиную.

Устроивши такую вещь, охотникъ спокойно отправляется домой или готовить такія другія же западни.

Между тѣмъ, чѣмъ больше разлагается телятина, тѣмъ больше распространяется заманчивый для медвѣдя аромать, тѣмъ обольстительнѣе становится приманка. Ковыляя кругомъ и чувствуя заманчивый запахъ, медвѣдь долго думаетъ, идти ли ему вкусить плода, или нѣтъ... наконецъ, неустоявъ противъ обольщенія, медвѣдь подходитъ, нюхаетъ рыломъ средину и окружность и, убѣдившись, что нѣкого нѣтъ кругомъ, суетъ свою неуклюжую лапу въ отверстие, съ жадностью схватываетъ телятину, но лишь только онъ потащитъ лакомую добычу, брякнутъ пружины, клель стиснетъ лапу острыми зубьями, вопьется въ мясо и кости ноги—и неосторожный миша долженъ ждать на мѣстѣ лакомства, пока его соблазнитель Журавль не придетъ и не положитъ лулей конца его многомятежныхъ дней.

По большей части медвѣдь, попавши въ западню, остается на мѣстѣ, потому что, при всѣхъ своихъ медвѣжьихъ усиліяхъ, не можетъ вытянуть застряшую въ клели лапу. Но иногда онъ разламываетъ срубъ и уходитъ, но только уходитъ съ клелью, отцѣпить и отгрысть которую онъ рѣшительно не можетъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда медвѣдь уйдетъ съ клелью, сыскать его не трудно: съ трехпудовою тяжестью клели, крѣпко и глубоко вцѣпившейся въ лапу своими острыми зубьями, при чрезвычайной густотѣ лѣса, далеко уйти онъ рѣшительно не можетъ, потому что большал неуклюжая клель то и дѣло задѣваетъ за деревья. Кромѣ того, въ подобныхъ случаяхъ, медвѣдь самъ открываетъ свои бивуаки: зацѣпившись клелью

съ прищемленною ногою за ели и не зная, какъ отцѣпиться, отъ боли и препятствія онъ страшно злится и реветъ на весь лѣсъ.

Журавль тутъ же сообщилъ мнѣ, какъ однажды ушелъ у него медвѣдь и какъ онъ его сыскалъ и застрѣлилъ.

— Прихожу, говоритъ Журавль: — на мѣсто... глядь — все разломано: разсобачій сыщъ ушелъ и съ клепью. Смотрю и вижу — взбороздилъ всю землю; стало, доберусь. Послушалъ. Реветъ, этакъ, примѣрно, въ верстѣ. Собаки такъ и бросались. Бѣгу. Собаки вокругъ него такъ и вьются. А онъ, кобель этакой, такъ и ходитъ въ присядку, какъ Карпунька сельскій: онъ смерть боится собакъ, чтобы не схватили его за притчеватое мѣсто, и присаживается на землю. Подхожу это я къ нему и прицѣливаюсь. Какъ онъ увидѣлъ меня, — всталъ, значитъ, на заднія лапы, а переднюю поднялъ къ мордѣ, — всталъ да такъ и стоитъ съ клепью. У меня въ рукахъ была двустволка. Я бацъ! зашатался, заревѣлъ. Я еще бацъ! а онъ, мой голубчикъ сердечный, какъ стоялъ, такъ и повалился черезъ колоду, — ни въдохнулъ, ни равкнулъ...

Случается иногда, что медвѣдь совсѣмъ уходитъ. Такъ однажды тотъ же Журавль поставилъ свою клепь въ муравейникъ, зная, что около этого мѣста есть медвѣдь и что онъ имѣетъ привычку рыться въ муравейникахъ. Дѣйствительно, медвѣдь попалъ въ журавлеву клепь. Но такъ какъ въ то время была пора рабочая, то Журавлю не удалось скоро освѣдомиться о желанномъ гостѣ. Медвѣдь, между тѣмъ, отошелъ версты двѣ, взбороздивши за собою землю, застрѣлъ между деревьями; журавлевой клепи сломать не могъ, и — что же вы думаете? — отгрызъ себѣ ногу. Ногу эту наши, приехали въ деревню и ребяташки долго таскали се по улицѣ; на мою долю достался ноготь, по которому Журавль замѣчалъ, что «медвѣдь, шельмовство, былъ большущій, и шкура, тетка ея веругана, преважная». Однако же лѣсной инвалидъ на трехъ ногахъ укостылялъ такъ далеко, что его и найти не могли. Журавль только видѣлъ въ лѣсу ямы, которыя, по его мнѣнью, вырылъ лѣсной инвалидъ и ставилъ въ нихъ оставшуюся у него во владѣннн половину ноги, чтобы въ прохладѣ она «не такъ выла».

Описанный нами способъ ловли медвѣдей самый употребительный, потому что онъ очень мало отнимаетъ времени.

Еще стрѣляютъ медвѣдей съ лабазъ, т. е. примостовъ, устроенныхъ на деревьяхъ, гдѣ на ночь сажаются охотники и ждутъ, когда придетъ медвѣдь. Лабазы устроятся надъ убитой медвѣдемъ короной, надъ *стервомъ*, которое медвѣдь по ночамъ приходитъ доѣдать. Но это отнимаетъ много времени, и медвѣдь, почуя опасность, очень

часто не является на мѣсто своего преступленія; слѣдовательно, приходится сидѣть на лабазахъ двѣ, три ночи совершенно напрасно.

Журавль пытался ввести еще новую методу ловли медвѣдей.

Медвѣди бываютъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ, двухъ родовъ — *травники* и *пакостники*. Первые отличаются мирными качествами медвѣжьей души, питаются растительной пищей и не нападаютъ, безъ крайней необходимости, на скотъ. Но какъ скоро травникъ попробуетъ свѣжинки, онъ становится пакостникомъ, и тогда съ нимъ уже трудно бываетъ раздѣлываться: много подушить коровъ, еще болѣе поцарапаетъ имъ морду, хребетъ и особенно то мѣсто, гдѣ утверждаются переднія ноги, потому что медвѣдь прежде всего одной передней лапой вцѣпляется въ это мѣсто, другой беретъ за морду, а заднія лапы волочетъ по землѣ, стараясь уцѣпиться за что нибудь крѣпкое — за пень, корень, колоду, дерево, и такимъ образомъ этотъ мохнатый кавалеръ мнетъ корову до тѣхъ поръ, пока не сомнетъ ее совершенно. Въ это время корова реветъ самымъ дикимъ образомъ, медвѣдь тоже не уступаетъ коровѣ ни въ стараніи, ни въ искусствѣ — и начинается славный лѣсной дуэтъ. На чистомъ, ровномъ мѣстѣ коровамъ часто удастся ускользнуть изъ медвѣжьихъ лапъ, но въ лѣсу — никогда.

Не смотря на громадныя дремучіе лѣса, не смотря на то, что коровы заходятъ чрезвычайно далеко въ эти тущобы, ночуютъ почти двѣ, три неизвѣстно гдѣ, и потому имѣютъ постоянную возможность столкнуться съ медвѣдемъ, народъ такъ безпеченъ, что оставляетъ свой скотъ въ продолженіе всего лѣта, безъ всякаго надзора, ходить, гдѣ ему вздумается; о пастухахъ не имѣютъ и понятія. Стадо каждаго хозяина разбродится порознь и изъ дому каждаго хозяина ежедневно отправляется за коровами кто нибудь чуть не съ полудня; но очень часто случается, что коровъ не находятъ, на другой день принимаютъ искать съ утра нерѣдко цѣлымъ семействомъ. Въ этомъ случаѣ не знаешь, чему больше дивиться — благородству ли медвѣжьей націи, безпечности народа, или его положительной экономической безтактности: вѣдь никто не можетъ сообразить, что наемъ пастуха обошелся бы гораздо дешевле уже однимъ тѣмъ, что такая вещь, какъ исканіе коровъ, не отнимало бы рабочихъ рукъ и не губило времени, не говоря уже о томъ, что коровы были бы цѣлы и молоко не пропадало по два и по три дня сряду.

Однажды медвѣдь задушилъ въ лѣсу корову. Время было самое рабочее, и Журавлю рѣшительно невозможно было дѣлать лабазы и нѣсколько ночей сидѣть на нихъ, и ждать медвѣдя. А медвѣдя упустить не хотѣлось. Журавль выдумалъ *самострѣль*, т. е. кругомъ коровы положилъ нѣсколько заряженныхъ ружей съ взведенными

курками; къ куркамъ привязалъ нитки, концы которыхъ прикрѣпилъ къ коровѣ. Если бы пришелъ медвѣдь и сталъ ѣсть корову или какъ нибудь задѣлъ лапой за нитки, то былъ бы пронизанъ перекрестными пулями. Разумѣется, когда былъ устроенъ снарядъ, было объявлено всѣмъ, чтобы никто самъ не подходилъ къ опасному снаряду и не пускалъ бы своего скота. Медвѣдь же нѣсколько разъ подходилъ къ снаряду, но коровы не тронулъ.

— Лисицу ловимъ мы зимой по глубокому снѣгу, рассказывалъ Журавль. — Хитрый звѣрь эта лисица, а ужь больно смѣшна: черезъ лыжону никогда не перейдетъ: насмерть боится. Вотъ, стало быть, какъ мы подымѣтимъ мѣстечко, гдѣ лиса-кума жихруеть, сейчасъ же съ Якуней на лыжи — и въ лѣсъ. Обойдемъ на лыжахъ большой кругъ: ужь лисица за лыжону не перейдетъ. А потомъ этотъ кругъ-отъ и начнемъ крестить, и окружимъ ее, голубушку, мѣста, какъ примѣрно съ избу. Лиса и заберется: подъ *выскирь* (колоду) да и сидитъ тамъ; звука: не подаетъ. Мой Лыско на этотъ счетъ — у! знатная собака, — сейчасъ отыщеть. Мы съ Якуней къ выскирю, да ее оттуда и тащимъ. Якуню однова лисица больно укусила. Какъ вытанцимъ ее на свѣтъ-то Божій, — сейчасъ же на колоду, да колѣномъ и придавимъ сердце: сейчасъ сдохнетъ. А крысится, разсобака, больно крысится, какъ тащить-то станешь: вѣстимо, напугать норовить.

По дорогѣ Журавль рассказалъ еще, что онъ и волковъ стрѣляетъ, да рѣдко: потому, не стоитъ.

Дѣдъ Журавля ловилъ волковъ въ ямы. Для этого вырывается глубокая яма; въ срединѣ ставится столбъ, на вершинѣ котораго, нѣсколько выше уровня земли, дѣлается небольшая площадка, на которой привязывается собака или поросенокъ. Яма прикрывается тонкимъ слоемъ хвороста и слегка засыпается снѣгомъ. Собаки или поросенокъ поднимаютъ вой и визгъ на цѣлый лѣсъ. Волки на этотъ крикъ и собираются; но только что будутъ подбѣгать къ добычѣ, проваливаются въ яму, гдѣ ихъ побиваютъ колыями. Иногда въ яму навалится волковъ семь; вой они поднимаютъ страшный.

«Насторожилъ» разъ дѣдъ Журавля яму, привязалъ собаку и ушелъ. Случилось, что нелегкая занесла въ лѣсъ пономаря. Слышитъ, собака воетъ. Подходить и видитъ, что собака привязана.

— Какой-то нехристь, татаринъ ему пусть приснится, собаку привязалъ въ лѣсу. Бываютъ же на свѣтѣ дураки такіе, проворчалъ пономарь и пошелъ отвязывать собаку, только — крикъ! — пономарь очутился въ ямѣ вверхъ ногами.

На утро приходитъ къ ямѣ дѣдъ Журавля, — глядь внизъ: гамъ въ одномъ углу сидитъ пономарь въ другомъ волкъ, и смотрятъ другъ на друга. Дѣдъ поднялъ было уже колъ, чтобы хватить хоро-

шевно пономаря (думалъ, что это нечистая сила, али оборотень) какъ пономарь закричалъ и началъ креститься. Дѣдъ увѣрился, что это былъ заправскій пономарь.

Дѣдъ вытащилъ сначала пономаря; потомъ они вмѣстѣ уколошили волка взвалили его на дровни, сами сѣли сверху и поѣхали домой, сѣдя на волкѣ...

Мы дальше и дальше углублялись въ лѣсъ, разговаривая съ Журавлемъ о его промышлѣ. Лѣсъ становился все гуще, темнѣе и сырѣе...

VI.

А вотъ и малинникъ. Вдругъ обдало насъ свѣтомъ: мы какъ будто вдругъ вышли изъ темнаго погреба на свѣтлую улицу, — такое впечатлѣніе произвела быстро смѣнившаяся декорація. Передъ нами на огромномъ пространствѣ навалены были одна на другую въ самомъ идеальномъ беспорядкѣ обгорѣлыя гиганты-сли; отъ толстыхъ стволовъ этихъ великановъ торчали черные, обгорѣлыя, заострившіеся сучья; подъ ними земля поросла новыми побѣгами будущаго лѣса и несмѣтнымъ множествомъ самороднаго малинника съ сочными ягодами; между густой растительностью тамъ и здѣсь сверкали небольшія лужи стоячей воды; вдали кругомъ чернѣлъ дремучій лѣсъ; а тутъ, въ самой серединѣ огромнаго пожарища, какими-то судьбами уцѣлѣлъ клочокъ не сгорѣвшаго и не сломавнаго бурею лѣса.

Малинникъ при нашемъ приходѣ былъ уже оживленъ: много народа собралось уже за малиной съ разныхъ сторонъ. Крикъ, шумъ наполняли все огромное пространство. Слышалось ауканье со всѣхъ сторонъ на всѣ голоса, отъ визгливаго дисканта до сипаваго баса, и на всѣ манеры. Одни аукали, боясь лицомъ къ лицу встрѣтиться съ медвѣдемъ, который чрезвычайно уважаетъ малину и съ которымъ въ малинникѣ дѣйствительно очень легко встрѣтиться, только не въ то время, когда мы были тамъ; потому что, надобно полагать, всѣ медвѣди, отъ такого небывалаго гама, убрались за десять верстъ. Другіе кричали, чтобы не потерять своихъ товарищей. Дѣйствительно, потерять товарищей очень легко, а потерявши ихъ, чрезвычайно трудно одному отыскать дорогу домой: такъ закружишься въ этой тучѣ, что рѣшительно не знаешь, откуда пришелъ и куда надобно идти. Въ подобныхъ случаяхъ надобно непремѣнно пристать къ какойнибудь партіи, у когорой есть *вожатый*; иначе придется почевать одному въ сосѣдствѣ съ медвѣдями и проблудить не одинъ день, хоть тутъ раскричишься что есть духу: молчаливыя ели не отвѣтятъ на крикъ, не укажутъ дороги.

Самое собираніе малины—вещь ужасная: то и дѣло нужно то взбираться по нагроможденнымъ обгорѣлымъ сучьямъ, то спускаться внизъ, чтобы пробираться въ этой труппѣ. Пусть бы еще внизу было мѣсто ровное, а то рѣшительно нельзя сдѣлать ни одного шага, не рискуя нарушить благосостояніе собственнаго глаза, носа, руки, ноги и, при удобномъ случаѣ, живота: всюду хрящъ и острия сучья.

Вотъ, напримѣръ, наберешь малины у одного куста и карабкаешься по обгорѣлымъ сучьямъ, чтобы на минуту взглянуть на свѣтъ Божій и снова спуститься внизъ, къ другому кусту. Взобрался на высоту и мѣтишь спуститься внизъ,—встаешь на сукъ,—сукъ не выдержалъ, обломился—и ты стремглавъ летишь въ какую нибудь лужу цѣпляясь на пути за разныя колючки,—или попадешь бокомъ на тычину. А то вотъ опять залѣзешь на саженную высоту и думаешь сойти внизъ, сдѣлавъ шагъ, лапоть зацѣпился за крѣпкій сукъ и ты висишь ногами вверхъ, корзинка улетѣла внизъ, пестерь тянегъ туда же. Зясь па свою неосторожность, на боль, на сучокъ, на все окружающее, спѣшишь снова подняться на высоту и отцѣпить лапоть отъ сучка. О малинѣ ужъ и говорить нечего: она лежитъ себѣ на зеленомъ моху и своимъ яркимъ цвѣтомъ только дразнитъ глазъ. Единственное средство сохранить малину заключается въ томъ, чтобы какъ можно чаще ссыпать ее въ буракъ, находящійся въ пестерѣ...

День прошелъ. Вечерѣло. Солнце сѣло за лѣсъ. Загорѣлась малиновая заря. Она постепенно блѣднѣла и наконецъ наступила полупрозрачная сѣверная ночь.

Ночлегомъ былъ избранъ оставшійся въ цѣлости лѣсокъ, находящійся на возвышеніи, недалеко отъ котораго протекала небольшая рѣчка.

Измученный до невозможности, нѣсколько разъ потерпѣвшій крушеніе своей плоти и малины, два раза висѣвшій на сучкѣ, въ видѣ копченаго окорока въ колбасной, трижды понавшій въ воду вмѣстѣ съ пестеремъ, такъ что брызги летѣли во всѣ стороны, вымокшій, какъ мышь, и разъ понавшій правымъ бокомъ на колоду, кой какъ добрался я до ночлега.

На мѣстѣ ночлега было уже человѣкъ сорокъ. Бабы и дѣвушки сидѣли на травѣ и раздѣвались. Въ ломи стучали десятки топоровъ. Тамъ мужики рубили дрова. Другіе таскали ихъ. Немеленно запылали два великолѣпные костра, окрасившіе мужиковъ, бабъ, дѣвушекъ, врачныя ели, и ясеѣе обрисовали полумракъ ночи, который отъ костровъ казался полнымъ мракомъ.

По примѣру моихъ спутниковъ и спутницъ я раздѣлся до рубашки, даже лапти скинулъ съ усталыхъ ногъ: все было мокро. Подошелъ къ костру сушить рубашку на своемъ грѣшномъ тѣлѣ. Когда

рубашка высохла, я, возсѣдая на колодѣ, взявъ въ руки онучи и принялся ихъ жарить. Надѣвъ снова свои лапти, я обратился къ балахону. Съ балахономъ мнѣ пришлось возиться долго; потому что онъ свачала разопрѣлъ, какъ пареница, потомъ повалилъ отъ него паръ и, уже послѣ этого, онъ началъ просыхать.

Разумѣется всѣ, кто былъ тутъ—мужики, бабы и молодыя дѣвушки—дѣлали тоже самое, начиная съ того, что раздѣвались до рубашекъ, и кончая просушкой своихъ вретись.

Обсохши, какъ слѣдуетъ, принялись за ужинъ. Вытащилъ я изъ своего пестеря два ломтя чорнаго, чорстваго хлѣба, вытащилъ изъ кармана перемокшую соль съ чеснокомъ, единственную приправу, и закусилъ, какъ нельзя лучше. Тоже дѣлали мои спутники.

Пужинавши такимъ идиллическимъ образомъ и запивши сухой хлѣбъ чистою водою, почерпнутою изъ свѣжаго зеркальнаго потока, который протекалъ вблизи, т. е. по мнѣнію покойныхъ поэтовъ, дай Богъ имъ царство небесное, насладившись вполне блаженнымъ днемъ, вечеромъ иужиномъ на лонѣ природы, я присѣлъ на сломенную ель отдохнуть и засмотрѣлся на своихъ спутниковъ. Только одно общее было въ этой группѣ, раскинувшейся въ дремучемъ лѣсу, въ тишинѣ ночи, вокругъ пылающаго костра, шумящаго пламенемъ и освѣщающаго неровнымъ свѣтомъ окружность;—это общее было самое грубое, самое дырявое лохмотье, подобранное искусственно для настоящаго случая и покрывающее атлетическія формы мужиковъ и нѣжныя, еще неразвившіяся формы молоденькихъ дѣвушекъ. Все прочее было разнообразно; разнообразно выраженіе лицъ, разнообразны цѣли, съ которыми пришли сюда разныя лица. Недалеко отъ костра красовалась высокая, статная фигура Журавля, сидящаго на старомъ пнѣ. Красное зарево костра играло на его лицѣ, окаймленномъ небольшими бакенбардами и бороною; онъ, какъ человѣкъ, привыкшій къ подобнаго рода путешествіямъ, почти нисколько не утомился и сидѣлъ бодро, рассказывая какую-то пулю: Журавль обладаетъ краснорѣчіемъ и способностію рассказывать анекдоты, которыхъ знаетъ безчисленное множество. Жители села Никольскаго тоже не понякли головами; они пришли за малиной не по нуждѣ, которая имъ, въ большихъ размѣрахъ, не знакома, а для того, чтобы лучше приготовиться къ празднику. Молодыя женщины-матери съ особеннымъ наслаженіемъ смотрятъ на малину, хоть не ѣдятъ ее сами: они надѣются полакомить малиной своихъ малютокъ дѣтей—единственнымъ лакомствомъ, доступнымъ имъ. Молоденькія дѣвушки, пришедшія за малиной для своихъ семействъ, хоть очень утомились, но все у нихъ играло на щекахъ здоровый густой румянецъ. Я самъ, пришедшій болѣе изъ любви къ искусству, чѣмъ по нуждѣ, тоже не по-

никъ головою, хотъ проклиналъ всякую любовь къ искусству, пощупывая свой правый бокъ, которымъ попалъ на колоду... Каргина была бы хотъ куда, если бы не было вдали унылой, забытой группы помѣщичьихъ крестьянъ и крестьянокъ...

Въ лѣсу зафукалъ проснувшійся филинъ. Мужики стали отгиаться ему. Филинъ принялся кричать чаще. Къ нему присоединился другой и третій. Раздалось глухое неприятное фуканье; лѣсное эхо вторило ему. Бабы перепугались и стали просить мужиковъ, чтобы они не дразнили филина; по ихъ убѣжденію, если филинъ разсердится,—то забросаетъ костеръ сырыми вѣтвями и погаситъ огонь, при чемъ нелегко достанется и имъ,—бабамъ; а то еще, можетъ быть, это вовсе не филинъ, а нечистая сила во образѣ филина, «чего храни Пречистая;»—тогда еще хуже придется и бабамъ и мужикамъ. Вообще съ понятіемъ о филинѣ, однимъ своимъ голосомъ производящемъ самое неприятное впечатлѣніе, особенно въ лѣсу, во время темной ночи, когда онъ просыпается и гудеть, соединено множество суевѣрій; о немъ разсказывается множество легендъ и сказокъ; появленіе филина въ деревнѣ или вблизи бываетъ не къ добру...

Говоръ, шумъ, крикъ не дали спать почти никому; кромѣ того препятствовали спать холодъ и роса, а болѣе всѣхъ Марина, пожилая, но очень бойкая и очень веселая дѣвчина, которая проскакала всю ночь и постоянно будила тѣхъ, кто спалъ, за что и получала благодарность въ формѣ самыхъ крѣпкихъ броненосныхъ выраженій...

На утро, чѣмъ свѣтъ, снова отиравились па прежніе подвиги испытывать вчерашнія удовольствія. Къ вечеру, когда, послѣ всѣхъ удовольствій, я выкарабкался изъ болота и пришелъ домой,—посмотрѣлъ въ свой буракъ, тамъ, вслѣдствіе разнаго рода толчковъ, малина такъ смаялась, что изъ нея вышли не ягоды, а какой-то очень некрасивый кисель.

VII.

Близость праздника въ селѣ Никольскомъ показываетъ рѣзніа барановъ въ каждомъ дому. Каждый хозяинъ, выбравши здороваго барана, связываетъ ему ножки, тащитъ въ избу, кладетъ на столъ и спокойно перерѣзываетъ ему горло: къ празднику непременно нужны свѣжія щи и лопатка.

Канунъ праздника нѣсколько отличается отъ обыкновенныхъ рабочихъ дней. Правда, утромъ въ селѣ Никольскомъ также мало народу, какъ въ продолженіе всего лѣта, въ домахъ не остается ни одного полного человѣка, — одна дрожливость да малолѣтство ви-

таютъ тамъ; во многихъ домахъ нѣтъ ни одного живаго существа, кромѣ сверчка да таракановъ, которые, пользуясь свободой и лѣтней теплотой, ползутъ всюду. Въ этихъ домахъ, въ знакъ того, что нѣтъ никакого дома, воткнута палка въ кольцо или скобу воротъ. Эта палка вмѣстѣ составляетъ и запоръ, замѣняющій замокъ. Поэтому, если бы кто вздумалъ войти въ такой домъ, покушать тамъ и отдохнуть, а если есть охота, то и съ собой прихватить кое-что изъ хозяйскаго добра, то ему слѣдовало бы только вынуть эту кольца палку и отворить дверь; но посятителей подобнаго рода не бываетъ: воры не въ модѣ, честнымъ людямъ не до такихъ путешествій въ рабочее время. Въ другомъ дому лежатъ на печкѣ ветхая дѣвчонка, безпомощная старушонка и кашляетъ старческимъ, разбигымъ кашлемъ. На полу ползаетъ и копается въ грязи грязный ребенокъ въ толстой заскорузлой рубашкѣ съ задомъ подола, заткнутымъ за поясъ во избѣжаніе разныхъ непріятностей. Онъ привыкъ къ своему одиночеству, невнимательности къ себѣ; онъ чѣмъ-то занимается и не плачетъ. Въ рукахъ у него засушеный кусокъ ячнаго пирога. Половина лица около рта, носъ и обѣ щеки запачканы обыкновенными вещами, къ которымъ присохли крупныя крошки пирога. Остальная часть лица, руки, ноги и прочія части тѣла приплюснваны толстымъ слоемъ грязи. На все это насѣли рои мухъ, нѣсколько не уважая личности малскаго царька природы. Маленькій замарашка привыкъ и къ грязи, ни на что не обращаетъ вниманія и, для развлечения, еще болѣе пачкается. Приходитъ въ пѣзу большая собака, подходитъ къ ребенку и облизываетъ ему лицо. Ребенокъ только морщится, отворачивается и отбиваетъ морду собаки, которая, не смотря на это, спокойно продолжаетъ лизать его. А то вдругъ размахисто войдетъ нахаль-пѣтухъ, осмотритъ пѣзу, клокнетъ раза два-три, мимоходомъ проглотитъ пять-шесть таракановъ, подступитъ къ ребенку, высоко глянетъ на него сперва однимъ глазомъ, потомъ, махнувъ краснымъ гребнемъ,—другимъ и хватитъ носомъ ребенка въ носъ, въ губу, въ щеку, гдѣ замѣтитъ присохшую крошку. Ребенокъ загорланитъ во всю глотку.

— Къшъ, косою несъ! шамшитъ съ печки старуха, услыша вой ребенка и разсмотрѣвъ пѣтуха.

Пѣтухъ, положивши крошку на полъ, подниметъ голову, прислушиваясь и какъ будто сказавши:

— Лежи, старбень, коли Богъ убилъ. Туда же лѣзетъ съ угрозамъ,—примется скликать куръ, рѣшительно не придавая значенія драблему шамканью старой коркоты.

На улицѣ собрались ребятшкы;—играютъ и дерутся.

Къ вечеру село становится оживленнѣе. Работы кончаются гораздо раньше обыкновеннаго. Поднимается повсюдная бродня и суетня.

На улицѣ старуха донтъ корову. Корову мухи ѣдятъ. Она брыкается. Вотъ она задней ногой намѣтила прямо въ грудь старухѣ. Старуха опрокинулась назадъ. Подойникъ съ молокомъ полетѣлъ въ сторону. Старуха, поднявшись на ноги, принимается бить корову кулакомъ и кричать:

— Эка тырлыга, прости меня, Господи,—возьму да и зашибу до смерти.

Старуха, въ подтвержденіе послѣднихъ словъ, еще разъ ударяетъ корову дряблымъ кулакомъ своимъ.

Старуха и всякая женщина никогда не обругаетъ коровы пещи стымъ словомъ и не вымолвитъ даже имени нечистаго; потому что въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что только «въ сердцахъ» помани пмля нечистаго надъ скотиной, онъ, какъ тутъ и есть, сейчасъ утащитъ корову и, кто его знаетъ, когда вздумаетъ возвратить ее.

Точно также при всемъ изобиліи словаря ругательства выраженія:—понеси ты всѣ лѣшіе, чтобъ ты лѣшій уволокъ,—родители боятся относить къ своимъ дѣтямъ, по той же самой причинѣ, по которой не относятъ ихъ къ скоту. Чоргъ въ этомъ случаѣ чаще всего уноситъ дѣтей, оставляя вмѣсто дитяти чурку, т. е. отрубокъ оспинный. Но онъ дѣтьми не ограничивается,—уноситъ иногда и взрослыхъ. Я зналъ одну дѣвушку, про которую всѣ говорятъ, что ее носилъ лѣшій. Дѣйствительно, какими-то судьбами однажды угораздилъ Дуню бѣсъ забрести далеко въ лѣсъ или кто ее знаетъ куда,—только что она пропадала недѣли двѣ, разумѣется, въ лѣтнее время. Когда же она явилась домой испуганная, растерянная и молчаливая, то всѣ окончательно рѣшили, что ее носилъ лѣшій, тѣмъ болѣе, что она рассказывала, какъ видѣла Кадниковъ, ученье ратниковъ (это было во время ополченія въ Крымскую кампанію) и пр., куда ее будто бы возмъ одинъ сѣдой мужикъ изъ сосѣдней деревни, о которомъ всѣ знали, что онъ во все это время не выѣзжалъ далѣе пяти верстъ отъ дома. Теперь эта дѣвица, кажется, уже *бабитъ*, т. е. замужемъ.

Шальные овцы пробѣжали на улицу. Ихъ съ крикомъ загоняютъ въ хлѣвы. Мужики лошадей ведутъ во дворы. Наканунѣ праздника весь скотъ собираютъ домой для того, чтобы запереть его дома и заставить поститься до тѣхъ поръ, пока попъ не окропитъ его святой водой, а попъ приходитъ иногда, особенно въ дальнія деревни, около вечера: въ это время назначается всеобщій постъ для людей и для скота.

Время становилось позднѣе. Въ этотъ вечеръ не слышно было обыденныхъ звуковъ—не стучалъ молотомъ молотокъ, ударялся о косу, не шутили и по кричали мужики, огдыхающіе на завалникѣ. и не влжжали, не ругались дѣвчата съ ребятами за ихъ шаловливья

затѣи, не пѣли и пѣсепъ; потому что на праздникъ пѣть пѣсни очень грѣшно. Напротивъ, все суетится сосредоточенно-серьезно: баба такъ серьезно несетъ яйца, какъ будто рѣшаетъ вопросъ первой государственной важности, такъ же серьезно бѣжитъ она въ церковный амбаръ купить на пятакъ меду, поставить опару и пр. Не менѣе серьезно, любовно обхвативши стеклянную сулею или боченокъ въ четверть ведра, полведра и болѣе, мужики несутъ водку.

Наконецъ, подъ вечеръ многіе совершаютъ описанныя нами прежде омовенія.

Вообще въ этотъ вечеръ въ селѣ Никольскомъ суетилось все, отъ скота до человѣка, самымъ серьезнымъ образомъ. Одинъ Тереня невозмутимо сидѣлъ на ступеняхъ крыльца своей церковной сторожки, спокойно смотрѣлъ на муравейникъ и его суетню, размѣренно пускалъ дымъ изъ своей трубки, вложивши короткій чубучокъ ея въ лѣвый край своего рта, и молодецки сплевывалъ сквозь губы изъ-подъ своихъ сѣрыхъ усовъ: инвалидъ чуялъ, что завтра ему будетъ хорошая пожива.

VIII.

Праздникъ. До солнышка затопились печки въ селѣ, до солнышка заклопотали стряпухи надъ разными вареньями и печеньями. Понесся скоромный запахъ.

Пробудился пономарь. Онъ посмотрѣлъ на солнышко и расчелъ, что время вставать. Умылся, расчесалъ свою косу, растолкалъ пономарницу и потребовалъ *воротушку* — рубашку съ огромнымъ коленкоровымъ воротникомъ. Пономарь надѣлъ воротушку, подряспикъ, выпустилъ наружу громадныя бѣлыя воротнички своей воротушки, спускающіеся до самыхъ плечъ и употребляемые только въ торжественныхъ случаяхъ. Намазалъ свои косы коровинымъ масломъ, снова расчесалъ ихъ передъ крошечнымъ зеркальцемъ, вдѣланнымъ въ дно его берестовой табакерки, взялъ ключи отъ колокольной и пошелъ къ батюшкѣ просить благословенія благовѣститъ къ заутренѣ.

Солнышко для него много значитъ въ лѣтнее время. Во всемъ селѣ Никольскомъ вѣтъ ни однихъ часовъ, даже нѣтъ ихъ въ церкви. По этой причинѣ заутреню и обѣдню начинаютъ лѣтомъ по солнышку, зимой — по пѣню пѣтуховъ. Тереня въ этомъ случаѣ, относительно обыкновеннаго боя часовъ, поступаетъ еще своеобразѣе и свободнѣе. Когда ночью устанутъ лежать на полатахъ его старыя кости, онъ поднимается, садится на полатахъ и, свѣсивши ноги, чешетъ спину, потомъ возьметъ въ зубы грубку, вырубить огня къ

труту, закуритъ махорку и ворча слѣзаетъ на полъ. Здѣсь прежде всего онъ оцупаетъ на лавкѣ сѣрый балахонъ, накинетъ его на плечи и идетъ въ уголь, гдѣ у него всегда стоитъ рогатина. Взявши рогатину на перевѣсъ и ворча, онъ отправляется къ церкви, обходитъ ее кругомъ. Послѣ этого, т. е. вполне обозрѣвши, что кругомъ церкви все обстоитъ благополучно, воровъ и разбойниковъ нѣтъ, Тереня беретъ за веревку отъ колокола и бѣгетъ въ колоколъ столько разъ, сколько ему заблагоразсудится; затѣмъ, быстро дернувъ послѣдніе три раза, онъ лѣниво отправляется домой, ставитъ въ уголь рогатину и снова залѣзаетъ на полати, гдѣ лежитъ до тѣхъ поръ, пока снова не устанутъ лежать его старыя кости.

Ударили къ заутренѣ. Двинулся въ церковь нарядный народъ. Это былъ уже совсѣмъ не такой народъ, который ходилъ за малиной въ лаптяхъ и лохмотьяхъ, который развѣзжалъ, въ видѣ амазонки, за боченками, это былъ народъ чистый, одѣтый очень прилично въ снѣга суковныя сибирки, въ красныя рубашки, пилсовые штаны, или въ бѣлыя рубашки, ситцевыя и штофныя сарафаны и проч. и проч. Все дышало праздникомъ отъ подковки сапога до щегольского картуза, отъ розоваго бантика на дѣвичьемъ босовикѣ до шпатаго сборника (кокошника) на головахъ молодыхъ бабъ. Самъ Тереня приодѣлся, пригладилъ свой сѣрый вихорь, подфабрилъ сѣрые усы и навѣсилъ на свою старую грудь кресты и медали.

Къ заутренѣ, по обыкновенью, народу пришло немного.

Послѣ заутрени часть народа отправляется въ «келью», часть по домамъ ждать обѣдни. Обѣдня начинается не рано, чтобы успѣли собраться люди изъ дальнихъ деревень.

«Келья», она же и церковная сторожка, гдѣ живетъ Тереня, есть одно изъ общественныхъ благотворительныхъ заведеній Никольскаго прихода. Это небольшою домикъ, построенный жителями прихода въ церковной оградѣ, гдѣ на иждивеніи добродѣтельныхъ дателей содержится нѣсколько безпомощныхъ и безродныхъ старухъ. Все содержаніе поставляется имъ натурою. Обыкновенно въ каждое воскресенье и праздникъ въ церкви бываетъ много панихидъ. Каждый крестьянинъ, отправляясь помянуть своихъ родителей, беретъ съ собой два пестеря хлѣба и пироговъ. Коврига хлѣба и нѣсколько пироговъ отдается старухамъ. Кромѣ того имъ приносятъ пирога овсяную крупу, муку да грошь на кутью. Употребленіе остальныхъ, такъ называемыхъ помпшальныхъ пироговъ мы увидимъ дальше.

Въ эту-то келью, послѣ заутрени, набралось не мало мужиковъ и бабъ. Всѣ мѣста—полати, лавки, печка, полъ были заняты народомъ. Пономарь зашелъ вздремнуть, помощникъ пономаря, любитель пономарской должности изъ мужиковъ, раздувалъ у печки уголья въ ка-

диль. На первомъ планѣ безсмѣнно сидитъ Иванъ Залужный, славный писака, большой ораторъ, постоянно поющій басомъ на лѣвомъ клиросѣ и вообще весьма уважаемый человѣкъ, и повѣствуетъ о Питерѣ и питерскихъ диковинкахъ. Разумѣется всѣ его слушаютъ да ахають отъ удивленія. Тутъ же говорится о посѣвахъ, сѣнокосахъ, цѣнахъ на разные предметы, перѣдко тутъ заключаются между крестьянами разные условія, слѣлки, покупка и продажа. Сюда сносятся вѣсти изъ окружныхъ мѣстъ, изъ города; каждый изъ посѣтителей приноситъ что нибудь новое, что видѣлъ или слышалъ. Порой забредетъ туда семинаристъ, расскажетъ про свое житье-бытье семинарское, а то прѣхватитъ чего нибудь поучительнаго. Съ большимъ вниманіемъ и впадимымъ удовольствіемъ слушаютъ любознательные посѣтители кельи рѣчи юнаго оратора и, по уходѣ его, долго гуторятъ:

— Эхма... не даромъ же достается поповство... А парень-то тово, и малъ, да удалъ... Ишь какъ говоритъ...

Въ келью собирается старый, пожилой и молодой народъ солиднаго качества, народъ — «не баламыга». «Лоботрясы» размѣщаются по избамъ, гдѣ, на свободѣ, несутъ разную околесную и «отливаютъ пули». Тамъ перѣдко бываетъ свалка и такъ какъ въ дому по большей части бываетъ одна изба, исправляющая должность всѣхъ комнатъ, начиная отъ кухни и кончая кабинетомъ и гостиной, — то лоботрясы-посѣтители очень часто стѣсняють своими шалостями стряпуху-хозяйку. Въ подобныхъ обстоятельствахъ хозяйка, выведенная изъ терпѣнья, вооружается ухватомъ и бьетъ безъ милосердія лоботрясовъ, которые обращаются въ бѣгство и обзываютъ ее всѣми возможными неласкательными именами.

Въ этой же избѣ одѣваются дѣвушки, бѣлятъ свои щеки свинцовыми бѣлками, красятъ ихъ сандаломъ, расчесываютъ свои русые косы, надѣваютъ сарафаны яркіе, платки французскіе, разноцвѣтные; — одиѣ только рубашки-подольницы надѣваются въ подпольѣ или въ сѣняхъ, гдѣ ребята стараются подсмотреть дѣвокъ и облить холодной водой...

Между тѣмъ коровы, лошади, телята, бараны и свиньи начинаятъ дикій концертъ; потому что рѣшительно не могутъ взять въ толкъ, за что и для чего терпятъ они сегодня такое долговременное заключеніе въ своихъ хлѣвахъ; — и пусть бы еще дали съ утра закусить чего нибудь. Известно, — скотское разсужденіе...

IX.

Зазвонили къ обѣдѣ. Весь народъ повалилъ въ церковь. Въ церкви читались часы. Народъ обыкновенно становится — мужчины на правую, женщины на лѣвую сторону.

Но вотъ среди чтенія часовъ, тихо шевелясь, лѣзетъ мужикъ, съ пестеремъ на плечахъ; на лѣвой рукѣ у него большая ноша пироговъ ячмыхъ и пшеничныхъ. — Мужикъ останавливается передъ царскими дверьми, набожно крестится свободной правой рукой, подходитъ къ правому клиросу, даетъ по пирогу дьячкамъ, которые тотчасъ же и кладутъ пироги на окно или въ шкафъ, гдѣ хранятся книги; затѣмъ идетъ къ лѣвому клиросу и тоже даетъ по пирогу пономарямъ. При подачѣ своихъ пироговъ мужикъ говоритъ: — помани рабу Божию Федору или раба Божія Сидора. Остальные пироги, числомъ четыре, по большей части пшеничные, онъ уноситъ въ паперть, гдѣ кладетъ ихъ на деревянное блюдо или тарелку, прикрываетъ сверху необыкновенно большимъ и необыкновенно тонкимъ овсянымъ или ячмымъ блиномъ. Къ краю блюда или тарелки поминающій своихъ родителей прилѣпляетъ восковую свѣчку. Все это ставится на столъ передъ Кузьмой-Демьяномъ (передъ образомъ Космы и Даміана). Это такъ называемые поминальные пироги. Они составляютъ единственную плату духовенству за служеніе панихидъ. Надъ четырьмя пирогами, прикрытыми блиномъ и поставленными передъ Кузьму-Демьяна, послѣ обѣдни, служитъ панихида, перечитываются сотщи именъ «и всѣхъ сродниковъ преставльшихся». Поминающіе родителей молятся съ пестерями на плечахъ.

Народъ чрезвычайно чтитъ память отцовъ; поэтому почти въ каждый праздникъ и воскресенье являются десятки пирогопосцевъ и стоятъ десятки блюдъ съ четырьмя пирогами передъ Кузьмой-Демьяномъ...

Наблюдается еще иной обычай.

Передъ большимъ образомъ Успенія въ посеребренной ризѣ, воздвигнутой усердіемъ жителей села Никольскаго, ставится до шестидесяти разнохарактерныхъ сосудовъ довольно почтеннаго объема — мѣдныхъ ендовъ, чашъ деревянныхъ, чашъ глиняныхъ бѣлыхъ, зеленыхъ, разноцвѣтныхъ, горшковъ «полужоныхъ», берестовыхъ бураковъ бѣлыхъ и раскрашенныхъ, рученокъ и проч. Каждый изъ этихъ сосудовъ наполненъ сусломъ; къ каждому изъ нихъ прилѣплена восковая горящая свѣчка. Это, — такъ называемые, *кануны*. Каждый хозяинъ приноситъ свой *канунъ* и ставитъ передъ Успе-

пiемъ. Надъ этими канунами читается молитва. Послѣ обѣдни кануны распиваются. Каждый хозяинъ прежде всего подноситъ свой буракъ или ендову священнику, и священникъ, волей-пвоей, долженъ попробовать сусла каждаго хозяина, чтобы не оскорбить его, — и придется такимъ образомъ бѣдному священнику тотчасъ послѣ обѣдни, натошакъ, пробовать до шестидесяти родовъ разнаго сусла, свареннаго хорошо и свареннаго дурно, очель сладкаго и начинающаго уже прокисать. Послѣ него, перекрестясь, пробуетъ сусло самъ хозяинъ и наконецъ подчуетъ всякаго православнаго, подвернувшагося подъ руку. Это подчиванье продолжается до тѣхъ поръ, пока въ буракѣ или ендовѣ сусла останется немного. Остатокъ уносится домой и допивается членами семейства тоже натошакъ.

Послѣ обѣдни же, въ такъ называемой трапезѣ, большинство бывшихъ у обѣдни закусываетъ. Тутъ церковники закусываютъ свои поминальные пироги, особенно если имъ гѣтъ времени послѣ обѣдни зайти домой закусить, а нужно немедленно отправляться по дѣламъ своей службы. Многие изъ прихожанъ цѣлыми семействами разсаживаются по лавкамъ, устроеннымъ въ трапезѣ или садятся кружками на полу, закусываютъ сами и подчуютъ постороннихъ. Почему это такъ дѣлается—отъ недостатка ли помѣщенія въ домахъ или это послѣдняя гѣнь первобытныхъ христіанскихъ вечерь любви, — не знаю, но этотъ обычай мнѣ всегда казался отголоскомъ жизни христіанъ первыхъ вѣковъ...

Послѣ разныхъ панихидъ, молебновъ и пр., когда церковники со всѣмъ управятся въ церкви, крестьяне берутъ икону праздника, Пречистой, множество крестовъ и хоругвей, чтобы церемонія выходила торжественнѣе, и въ сопровожденіи священника и причта съ пѣньемъ отправляются въ деревню, гдѣ назначено празднованіе. Если деревня близко, то идутъ съ пѣніемъ до самой деревни, если же далеко, то мужики иконы, кресты и хоругви прикрѣпляютъ къ плечамъ полотенцами и уносятъ ихъ безъ пѣнія.

Въ это время вокругъ церкви, на кладбищѣ, открывается своего рода картина и концертъ. На многихъ могилахъ пестрѣютъ и краснѣютъ большія группы бабъ и дѣвушекъ. Изъ среды пестрѣющихъ бабьихъ группъ изъ-подъ надгробныхъ крестовъ поднимается такой вопль, визгъ, завыванья и причитыванія, что выразить невозможно: нужно самому слышать этотъ вопль, чтобы составить о немъ понятіе.

Обычай требуетъ, чтобы по вновь умершемъ непременно цѣлый годъ ревѣли на могилѣ по всѣмъ праздникамъ и воскресеньямъ бабы и дѣвки изъ семейства покойнаго. Онѣ причитаютъ при народѣ и валяются на могилѣ до тѣхъ поръ, пока ктонибудь не уведетъ ихъ съ

могилы, непременно до тѣхъ поръ. Кругомъ причитающихъ всегда собирается толпа бабъ, желающихъ посмотреть, какъ такая-то «убивается по отцѣ, братѣ или мужѣ», и послушать, хорошо ли она «выпричитывастъ». Вычитываются иногда не только дѣйствительныя, но и воображаемыя доблести умершаго; бываютъ причеты и въ родѣ слѣдующаго, записаннаго мною отъ слова до слова:—шалной батька, зачѣмъ умеръ? Оставилъ Акулипу. Плутъ Карпушка даетъ Акулинѣ коровай хлѣба па недѣлю, а Акулинѣ коровай хлѣба па недѣлю мало... Охъ, шальной батька, зачѣмъ умеръ?

И выводится этотъ причетъ на разные голосисто-протяжные похоронные тоны, иногда до сотни разъ...

Но иной разъ подъ бѣлымъ деревяннымъ крестомъ на свѣжей могилѣ лежитъ молоденькая женщина. Вокругъ нея не стоятъ услужливыя бабы, любительницы воплей: въ ней нѣтъ уже никакой искусственности, никакого расчета на эффектъ; вся она погружилась въ свое неисходное горе; изъ ея бѣдной груди, сжатой тоской, вылетаютъ неровные душливые вздохи и всхлипыванья; жгучія слезы ручьемъ текутъ на желтый песокъ могилы. Здѣсь истинная горестъ. Она остается молчалива и не ищетъ свидѣтелей...

Х.

Въ селѣ на улцѣ готовятъ особаго рода перила, къ которымъ ставятся и прикрѣпляются образа на время служенія молебна. Передъ перилами ставится большая скамья. На скамью свосится столько ковригъ хлѣба, сколько въ селѣ домовъ, и точно сто. ъкоже пироговъ, которые кладутся на ковриги. Эти ковриги и пироги составляютъ плату духовенству за молебенъ. Тутъ же на скамейкѣ опять являются канувы, т. е. разнаго рода сусло. За всѣмъ этимъ передъ перилами ставится столъ для помѣщенія чаши.

Принесли образа и прикрѣпили къ периламъ. Тереня въ своемъ франтовскомъ нарядѣ съ *Егорьемъ* на груди пренажно поставилъ на столъ мѣдную выбѣленную чашу для святой воды, приказалъ туда влить воды, покуда еще обыкновенной. Кадильникъ раздулъ кадло: попомарь въ подобныхъ случаяхъ не занимается этимъ дѣломъ.

Бабы и дѣвушки тутъ же дѣлаютъ свои пожертвованія въ церковь. Эти пожертвованія состоятъ главнымъ образомъ изъ полотенецъ, вытканныхъ и вышитыхъ самими жертвовательницами. Эти полотенца, сколько бы ни было ихъ пожертвовано, вѣсятся и прикрѣпляются къ иконамъ, на которыхъ и остаются до тѣхъ поръ, пока ихъ не возвратятъ въ церковь. Тамъ ихъ убираетъ староста. Точно также

идутъ въ церковь и тѣ полотенца, которыми прикрѣпляются иконы къ плечамъ мужиковъ, во время ихъ переноски. Жертвуются также мѣдные, иногда серебряные кресты, какіе носятся на груди. Они обыкновенно на узенькой бумажной розовой или широкой атласной лентѣ вѣсятъ на вѣчки икопъ. Множество полотенецъ и крестовъ можно почти всегда замѣтить на иконахъ и въ церквп.

Передъ собраніемъ всѣхъ жителей села отъ мала до велика и постороннихъ зрителей и богомольцевъ служитъ водосвятный молебенъ.

Послѣ молебна священникъ со святою водою, иконами и причтомъ становится на концѣ села, гдѣ, обыкновенно узкимъ прогономъ, начинается скотскій выгонъ.

Въ это время начинается освобожденіе со дворовъ и изъ хлѣбовъ домашняго скота. Молодые ребята, скинувши сибирки, въ однѣхъ рубашкахъ красныхъ или пестрыхъ, въ плисовыхъ широкихъ штанахъ, въ сапогахъ, ведутъ подъ узды лошадей, на этотъ разъ вычищенныхъ и увѣшанныхъ множествомъ побрякушекъ, иногда лентами, вплетенными въ гриву. На долю прекраснаго пола, особенно дѣвушекъ, выпадаетъ выгонъ изъ хлѣвовъ коровъ и барановъ. Священникъ кропитъ все это безсловесное населеніе села святою водою.

Окропивши домашній скотъ, церковная процессія отправляется вокругъ поля. Поля кропятся святою водою.

По возвращеніи съ поля, церковники отправляются обѣдать. Тоже дѣлаютъ всѣ козьева съ своими гостями, которыхъ наѣзжаетъ на праздникъ со всѣхъ сторонъ. Чужой народъ тоже или расходится по домамъ, или покуда остается на улицѣ, образуя кружки, трактуетъ и тараторя о томъ, что взбрѣдетъ на умъ-разумъ.

XI.

Въ праздникъ изба принимаетъ тоже праздничный видъ. Такъ какъ избы почти всѣ черныя, безъ трубъ, съ отверстіемъ на потолокъ или верхней части стѣны для выхода дыма, который, прежде нежели попадетъ въ это отверстіе, густыми клубами разстилается по избѣ, вслѣдствіе чего на потолокъ и верхней части избы образуются хлопья сажн, и такъ какъ полы никогда не моются,—то прежде всего дѣлю въ этомъ случаѣ ограничивается тѣмъ, что сметають съ потолка висящіе хлопья сажн и, намочивши полъ, скребутъ его желѣзной лопаткой; но на полу бываетъ такой толстый слой грязи, что и послѣ этой скребетни ея остается очень много. Съ полатей убирается разный закоптѣлый хламъ—грабли, вилы, драицы, полосья, об-

ломки старыхъ колесъ, пивовья прутья и прочая дрянь, которая полъ толстымъ слоемъ сажн почему-то постоянно лежигъ на полатяхъ;— остается надъ полатами одинъ мѣшокъ съ лукомъ, который, перегнувшись на жордочкѣ, виситъ подъ самымъ потолкомъ, да еще закоптѣвшія доски, которыя еще прошлую зимою наложены подъ потолкомъ для просушки. Съ печки тоже убирается всякое лохмотье, пзъ подъ лавокъ—множество лаптей старыхъ и новыхъ, множество онучь разныхъ величинъ и цвѣтовъ. На стѣны наклеивается большее или меньшее количество любимыхъ картинъ національной суздальской школы. Закоптѣвшія до такой степени, что рѣшительно незнать лика, иконы выносятся и вмѣсто нихъ ставятся болѣе новыя, кромѣ праздниковъ, постоянно хранящіяся въ клѣти.

Въ тѣхъ домахъ, гдѣ есть дѣвушка—невѣста, стѣны избы украшаются множествомъ полотенецъ съ разными яркими вышиваньями. Полотенца симметрично развѣшиваются на желѣзныхъ гвоздяхъ, вбитыхъ въ стѣну.

Въ переднемъ углу, подъ образами, стоитъ большой столъ, накрытый бѣлой скатертью. Столъ обставляется скамьями. На столѣ положена коврига хлѣба, два ножа, ложки и поставлена соль въ деревянной солонкѣ, обвитой лькомъ и похожей на кресло. Тарелокъ, вилокъ, салфетокъ и т. п., разумѣется, не бываетъ на столѣ. За столъ садятся гости и семья. Хозяинъ приноситъ добрую «сулею» зелена вина, т. е. свухи. Хозяйка ставитъ на столъ горячіе щи, т. е. то, что называется щами, жидкій овсяный супъ съ бараньей или говяжьей, пироги ячные и пшеничные черные: бѣлая покупная мука почти не употребляется. Если у хозяина есть молодой зять, то онъ идетъ за пивомъ: дорогому зятю предоставляется хозяиномъ-тестемъ полное право въ каждое время дня и почти самому ходить за пивомъ, пить его, сколько можетъ вмѣстить его угроба, и подпивать своихъ пріятелей. Впрочемъ, по большей части въ первый день праздника за пивомъ ходить далеко не приходится; потому что нѣсколько бочепковъ привозится въ избу и ставится на лавку. Въ праздникъ пива истребляется громадное количество; поэтому для того, чтобы было постоянно подъ рукой, оно приносится въ избу.

Послѣ обѣда хозяевъ и ихъ родственниковъ со стола ничто не убирается и столъ остается накрытымъ въ продолженіе всего дня. Каждого зашедшаго въ избу безъ всякаго приглашенія, будь онъ знакомый или незнакомый, тамошній житель или случайно проезжающій человекъ, просятъ откусать и «отвѣдать» пивка. Передъ гостемъ становится пиво, пироги, а если онъ хочетъ обѣдать, то ему представляютъ и полный обѣдъ, однимъ словомъ, каждый желающій въ каждомъ дому во время праздника можетъ найти выпить, закусить,

пообѣдать, какъ у себя дома. Гостепріимство развито въ высшей степени, особенно въ праздничное время.

Полный обѣдъ справляютъ посѣтителѣ только въ началѣ дня, когда всѣ бываютъ голодны. Потомъ дѣло ограничивается однимъ пивомъ да кускомъ пирога. За то сколько пьютъ пива! Хорошій пѣтухъ обходитъ всю деревню и въ каждой избѣ выпиваетъ полпенды, не поморщившись, только оботреть усы да крикнетъ.

Для болѣе почетныхъ и уважаемыхъ гостей у каждаго хозяина есть клѣтъ, гдѣ хранится мука, крупа и прочее снадобье, или маленькая «бѣлая» холодная горенка, теремокъ. Тамъ принимаются гости приглашенные и вызываются изъ избы пришедшіе безъ приглашенія, но «люди поштенные», которыхъ стоитъ попотчивать. Въ клѣти или горенкѣ, кромѣ пива, подается сулейка винца, рыбничекъ, жареная баранья лопатка, оладья и, пожалуй, оленина. Оленина хотя далеко уступаетъ говядинѣ, но по своей рѣдкости чрезвычайно уважается и составляетъ одно изъ самыхъ почетныхъ блюдъ.

Званный обѣдъ для церковниковъ бываетъ церемоніальнѣе простаго обѣда. Въ переднемъ углу, гдѣ сходятся лавки подъ божницей или въ «сутыкахъ», сидитъ попъ. Это его постоянное и привилегированное мѣсто. Если съ церковниками есть ихъ жены, то они помѣщаются по правую его сторону; лѣвую занимаетъ причтъ съ семинаристами; конецъ замыкаетъ Терепя. На скамьѣ сидитъ пономарь. Съ церковниками, по большей части, садится хозяинъ на скамью подлѣ пономаря, наливаетъ водку и подаетъ сперва батюшкѣ руками безъ подноса, потомъ уже по чинамъ. Хозяйка, молодая невѣстка или дочь точно также наливаютъ пиво въ жестяные стаканы и точно также безъ подноса подаютъ тому, кто только что проглотилъ рюмку водки, для того, чтобы «запить вино». Прочія женщины хлопочутъ около кушанья. Кстати: въ Тотемскомъ и Вельскомъ уѣздахъ, въ подобныхъ случаяхъ, все семейство падаетъ ницъ передъ гостемъ, взявшимъ стаканъ и лежитъ въ такомъ положеніи на полу до тѣхъ поръ, пока гость не выпьетъ стакана. Гость, выпивая водку или пиво, «оставляетъ постельку» для хозяина съ хозяйкой, т. е. никогда не выпиваетъ цѣлаго стакана, а непременно оставляетъ на днѣ часть напитка.

Съ половины обѣда гости начали приходитъ «въ куражъ», весело зашумѣли. Старый дьячокъ, «подъ куражомъ» чрезвычайный любитель пѣнія, не усидѣлъ за столомъ, всталъ и пошелъ распѣвать пѣсню, потомъ принялся задавать семинаристамъ разные *ученыя* вопросы, на которые самъ же отвѣчалъ, потому что семинаристы не знаютъ, какъ рѣшить ихъ, по крайней мѣрѣ, не знали прежде. Не знаю, какими путями зашли такія *ученыя свѣдѣнія* въ ученую голову пономаря, какъ я ни бился найти въ тѣхъ мѣстахъ источникъ для почерп-

путія таковыхъ званій. Теперь ихъ каждый можетъ читать въ «отреченныхъ книгахъ» и «Памятникахъ старинной русской литературы». Старый пономарь обратился къ любезностямъ: опъ лѣзетъ цаловать молодую хозяйку и дѣйствительно, взявши ее за ушки, «разцаловываетъ въ крестики». Хозяйка не отбивается; но тотчасъ послѣ поцалуня обтираетъ свои губы и лицо широкимъ рукавомъ своей бѣлой рубашки. Другой дьячокъ началъ разсуждать о взятіи Царя-града Махмутомъ вторымъ. Этотъ дьячокъ пользуется между крестьянами репутаціей «умѣющей и преученѣющей головы», которая пожалуй ученѣе головы поповой; притомъ опъ любитъ еще читать проповѣди на славянскомъ языкѣ.

Все принимается шумѣть, гуторить. Одинъ Тереня не измѣняетъ своего характера; опъ по обыкновенію сидитъ, молчитъ, выпиваетъ и поплевываетъ сквозъ зубы.

Изъ-за обѣда честной причтъ въ разсыпную отправляется по другимъ домамъ продолжать начатое.

На улицѣ проходитъ хороводъ молодыхъ дѣвушекъ и ребятъ. Этотъ лѣтній хороводъ однообразенъ, скученъ и утомителенъ; мало въ немъ веселости, удалыхъ пѣсенъ и нѣтъ почти пляски. Подъ одну какую нибудь длинную пѣсню, кругъ, составленный изъ ребятъ и дѣвушекъ, соединенныхъ другъ съ другомъ платками, медленно двигается по длиннымъ улицамъ. Кромѣ того въ первый день праздника онъ рѣдко и бываетъ; потому что какъ ребята, такъ и дѣвушки до вечера заняты дома гостями.

ХІІ.

Бабы, дѣвушки, и молодые ребята сочиняютъ свои пиры на другой и третій день. Впрочемъ, и первый день не обходится безъ бабья пира.

Церковницы въ село Никольское ходятъ въ гости отдѣльно отъ своихъ мужей и непременно по приглашенію.

Покуда онѣ сидятъ дома. Скучно въ праздникъ дома попадыамъ, дьякопицамъ, дьячицамъ и пономарицамъ. Дома никого нѣтъ, а *зватыя*, которыя по большей части бываютъ изъ дѣвушекъ, не идутъ звать ихъ въ гости. Вотъ онѣ секретно другъ отъ друга умылись, одѣлись, тоже секретно нѣсколько разъ каждая изъ нихъ подбѣжала къ окну и посмотрѣла въ ту сторону, гдѣ находится село, чтобы узнать, не идутъ ли *зватыя*: зватыхъ нѣтъ да нѣтъ. Страшная досада беретъ никольскихъ дамъ.

Наконецъ близъ села Никольскаго на пригоркѣ показалась пестрая

группа дѣвушекъ, ярко блиставшихъ на солнцѣ и зелени поля своими нарядами.

Эго — зватыл.

Всѣ хозяйки усѣлись дома и занялись разными бездѣлками, чтобы показать зватымъ, что онѣ вовсе ихъ не ждали и даже не думали ждать.

Въ избу вошли пять или шесть дѣвушекъ, три раза перекрестились и три раза въ поясъ поклонились иконамъ, поклонились хозяйкѣ и стали ее приглашать къ пиву.

Хозяйка, по обыкновенію и изъ вѣжливости, стала отказываться, представляя на видъ самые легионскіе предлоги. Дѣвушки усилили свои просьбы «къ пиву».

Хозяйка освѣдомилась у зватыхъ, что сказали ей *другіа*.

Оказалось, что каждая изъ церковницъ говорила, что она пойдетъ, если только пойдутъ другія.

Какъ бы то ни было, — только церковницы скоро собрались и отправились въ село Никольское вмѣстѣ съ зватыми.

Для сихъ дорогихъ гѣстей накрывается столъ въ горенкѣ. Для дамъ готовится особый, изысканный столъ. Для нихъ ставится легкое, дамское или просто «ботанецъ», т. е. сивуха, настоянная малиной и даже не подслащенная сахаромъ, сладкій пирогъ и прочія угощенія. Но въ особенности, непременно и прежде всего ставится на столъ самоваръ огромнѣйшей величшины: крестьяне, которые пмѣютъ самоваръ, такъ ужь имѣютъ не просто самоваръ, а самоваршце, чтобы было изъ чего попить въ волюшку. Самоваръ обыкновенно выпивается весь съ небольшими остановками между чашками, когда довольно быстро обходитъ кругомъ стола пузатенькій стаканчикъ дамскаго, то и дѣло наполняемый хозяйкою. Чаю выпивается невѣроятное количество. Дамское тоже частенько опрокидывается изъ стакановъ въ горла дамъ.

Въ половинѣ чаеванья дамы уже порядкомъ раскрасились, повеселѣли и начали повизгивать и тараторить все громче и громче... Дьячокъ, проходившій мимо и услыжавшій бабій шумъ, сейчасъ же смѣкнулъ, что «будетъ большо ладно», если онъ затешется въ бабью пирушку. Не долго раздумывая, онъ поворотилъ назадъ, намѣтилъ на крыльцо, вошелъ въ сѣни и какъ *Deus ex machina*, или какъ сибгъ на голову, нежданно-негаданно явился въ горницѣ. Дьячокъ прежде всего поздравилъ съ праздникомъ «хозяйина съ хозяйкой и малыми дѣтоньками», и пошелъ отхватывать трепака. За это онъ былъ приглашенъ сѣсть на почетное мѣсто и приглашенъ погостить. Тамъ услышалъ шумъ пономаря; пришелъ и тотъ въ горницу. Хозяинъ привелъ гостя. Приглашенъ былъ учитель сельскаго училища, писарь

съ писарихой, цѣловальникъ съ цѣловальничихой, — вообще, собралась вся никольская аристократія. Затащены были въ горницу и бывшіе въ наличности семинаристы и дьяконъ. Компанія собралась порядочная. Снова былъ поставленъ самоваръ и снова истощенъ до основанія.

Въ самомъ разгарѣ кутежа, когда уже всѣ понемножку становились веселѣе, изъ другаго дому пришелъ мужикъ съ своей женой приглашать честную компанію къ себѣ.

Прежде всего мужикъ обратился къ попадѣ съ такими словами:

— Ваше благословеніе, матушка, милости просимъ ко мнѣ чайку откушать, пивка выпить.

Такимъ названіемъ попадѣ мужикъ хотѣлъ оказать ей особенную честь.

Ту же честь онъ хотѣлъ оказать и прочимъ посѣтительницамъ.

— И васъ, священный причетъ и честная компанія, милости просимъ не отставать отъ ся благословенія, матушки: мы рады дорогимъ гостямъ, а пива и чаю у меня и телятамъ не выпить...

«Ея благословеніе, священный причетъ», т. е. попадья, дьяконица, дьячицы, пономарицы и просвирица, и «честная компанія», т. е. пономарь, писариха, учитель, цѣловальничиха, цѣловальникъ, прикащикъ, бабы и два семинариста, гурьбой отправились въ другой домъ, въ другую горенку.

Опять явился самоваръ неизбѣжный, который опять былъ истощенъ до основанія. Сюда какъ-то забрался мужикъ Сысой, который не принадлежитъ ни къ священному причту, ни къ честной компаніи, но который чрезвычайно любитъ биться около того и другой въ праздничное время. Онъ, вмѣсто чаю, предпочиталъ пить изъ чайной чашки теплую воду съ сахаромъ «въ прикусочку».

Въ этомъ дому дамы и мужчины, всегда предпочитающіе «урѣзать простецкаго, чистаго», въ особенности, очень мало обращали вниманія и даже съ пренебреженіемъ относились къ *ботанцу*, и просили «чистаго», т. е. сивухи, неиспорченной никакой примѣсью.

Здѣсь слышались пѣсни. Гости еще не плясали, а ужъ заливались развеселыми пѣснями.

Изъ этого дому честная компанія, уже значительно развеселѣвшая, отправилась съ пѣснями, сказавши предварительно:

— Спасибо этому дому, пойдемъ къ другому.

Въ новомъ дому повторилось тоже самое, что и въ прежнихъ, начпная съ неизбѣжнаго самовара, съ тѣмъ только отличіемъ, что здѣсь уже всѣ пошли въ присядку и съ пляскою отправились въ новый домъ, оттуда еще. Вездѣ, разумѣется, пили чай и, по преимуществу, пили его дамы: мужчины опять предпочли «урѣзать простецкаго».

Я не разъ былъ свидѣтелемъ неимовѣрнаго истребленія чаю никольскими аристократками и увѣряю, что вышеназванныя дамы способны съ утра до вечера пить чай. Имъ это ровно ничего незначить, только что двѣ-три изъ нихъ выйдутъ изъ комнаты на цѣ-сколько минутъ отдохнуть... въ сѣни, послѣ чего долго смѣются и снова принимаются за чай.

Теплый вечеръ уже проходилъ. Заря становилась блѣднѣе и блѣднѣе и начала потухать. Въ свѣтлыхъ прозрачныхъ облакахъ то и дѣло блистала зарница, ярко вспыхивая и освѣщая краснымъ свѣтомъ поля, гору, лѣсъ, болото, церковь и пьяное село. Хозяйки, если не были пьяны, а то работницы или дочери ихъ «управились со скотиной». Мальчишки, посмотрѣвши днемъ разныхъ диковинокъ, представляли изъ себя пьяныхъ, валялись на улицѣ и заходили между собою драку. Собаки лаяли, въ полномъ смыслѣ, на луну: компанія вздумала двинуться домой.

На этотъ разъ ея шествіе было не такимъ скромнымъ, какимъ было оно въ началѣ дня. Тогда шло не болѣе десяти лицъ. Теперь къ нимъ присоединились не только тѣ лица, которыя постепенно прибывали на пиръ, но почти всѣ хозяйки, у которыхъ была въ гостяхъ компанія, присоединились нѣкоторые хозяева, присоединилось нѣсколько дѣвушекъ и молодыхъ ребятъ.

Какъ двинулась честная компанія, такъ и шла она, покачиваясь сѣмо и овамо, но съ громкими пѣснями и плясками. Дорога была не длинная, однако же шли долго, безпрестанно останавливаясь или для дружескихъ объясненій, или для пляски. Даже очень солидныя, почтенныя съ просьбью, борода не могли утерпѣть, чтобы не тряхнуть старыми костями.

Тихій вечеръ далеко и долго разносилъ по полямъ крики, громкія, нелѣпыя пѣсни, стукъ сапоговъ, босовиковъ и здоровыхъ башмаковъ о твердо утопанную дорогу.

Не менѣе шумно и весело проводился вечеръ праздника въ селѣ Никольскомъ и остальнымъ людомъ.

Изъ клѣтей и горницъ чаще и громче раздавались пѣсни, оживленные крики, самыя крѣпкія выраженія и поцалуи.

Къ вечеру начались общія мѣста праздника.

Второй день праздника продолжался также шумно, какъ и первый. Мужики то и дѣло переходили изъ избы въ избу цѣлыми гурьбами и, побывавши въ каждой избѣ, становились все веселѣе и веселѣе. Лвились и пьяные. Драка тоже не были забыта.

Кромѣ преобладающаго въ первый день мужскаго элемента, во второй день сильно давалъ себя замѣтить элементъ бабій съ своими криками, пѣснями и визготней.

Въ этотъ день бабы, управившись какъ можно раньше дома и наготовивши всего, что нужно на день, собирались *гоститься* между собою. Гоститься значитъ то, что бабы со всей деревни сходятся въ одну избу и затѣваютъ пиръ. Изъ одной избы онѣ переходятъ въ другую и такимъ образомъ въ кутежѣ проводятъ второй и третій день.

Тоже самое дѣлаютъ парни и дѣвушки, — и они, собравшись вмѣстѣ, начинаютъ свой кутежъ. Въ эти дни у нихъ время идетъ гораздо живѣе и веселѣе, чѣмъ въ первый день праздника, идетъ безъ всякой принужденности, вполне свободно. Этому, быть можетъ, не мало способствуетъ и то обстоятельство, что даже дѣвушки въ своихъ кутежахъ, какъ и при всякомъ удобномъ случаѣ, не брезгаютъ не только пивомъ, но и сивухой и истребляютъ ея очень порядочное количество.

Гости разъѣзжаются по домамъ не раньше вечера третьяго или четвертаго дня и ѣдутъ цѣлыми возами, потому что пріѣзжаютъ цѣлыми семействами.

ИВ. ПР—СКІЙ.

Петербургъ.
20 января 1865.